

TV СЕРИАЛ
ЖУРНАЛИСТКА

Светлана Алешинца

*Дамы
любят погорячее*

ЭКСМО

Светлана Алешина
Дамы любят
погорячее (сборник)
Серия «TV журналистка»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961552

*Алешина С.В. Дамы любят погорячее. Змей в райских кущах: Повести: Эксмо; Москва; 2002
ISBN 5-699-00927-2*

Аннотация

Вот и не верь после этого в приметы... Актрисе Марине Белогуровой, героине ток-шоу Ирины Лебедевой «Женское счастье», приснился сон, который уже дважды в ее жизни предвещал смерть близких... Во время эфира Марина держалась с достоинством, следуя совету Ирины – не обращать на сны внимания. Однако все же сон оказался в руку: незадолго до конца передачи ее гражданский муж Игорь, сидящий в студии, внезапно умер от сердечного приступа. И буквально на следующее утро к убитой горем актрисе явился следователь, провел обыск и нашел в мусорном ведре пузырек из-под яда. Марине предъявлено обвинение. Но тележурналистка Лебедева не верит в то, что ее подруга могла совершить подобное. Марину кто-то подставил. Но кто? И что за этим стоит – ревность, зависть, месть?..

Содержание

Дамы любят погорячее	4
Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	61
Глава 5	81
Глава 6	97
Глава 7	114
Глава 8	132
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Светлана Алешина

Дамы любят погорячее (сборник)

Дамы любят погорячее

Глава 1

Она появилась в нашей редакции, и сразу словно прибавилось солнца. Если эта женщина поразила меня, когда я видела ее на сцене, в роли прекрасной Донны Анны, то, признаюсь честно, она не менее восхитила меня, представ в образе современницы. Марина Белогурова, актриса одного из театров города Тарасова, обладала не просто красивой наружностью. Нет, помимо классической правильности черт и изгибов фигуры, было в ней нечто, что завораживает, что притягивает взгляды и заставляет любоваться. Блондинка с длинными волосами, глубокими синими глазами и обворожительной родинкой на левой щеке, слегка улыбаясь – возможно, в этой легкой полуулыбке и скрывалась ее тайна, – появилась у нас в редакции и сказала своим чистым, звонким голосом:

– Здравствуйте, я Марина Белогурова.

И мы все, сидящие здесь, замерли при одном только взгляде на нее. Она была одета во что-то светлое, что-то, казалось, воздушное, отчего сразу вспоминались строки Пастернака: «Ты появишься у двери... В чем-то белом, без причуд... В чем-то впрямь из тех материй... Из которых хлопья шьют...» Вот и на ней было надето какое-то белое платье без особых изысков, и от этого она и казалась какой-то нереальной. Даже у нас, женщин, известных завистниц чужой красоте, такое вызвало восхищение. Мы смотрели на Марину обожающими глазами, а она все стояла у двери со своей полуулыбкой на слегка тронутых розовой помадой губах.

Первой опомнилась Галина Сергеевна Моршакова, режиссер нашей передачи «Женское счастье», для ближайшего выпуска которой мы и пригласили Марину. Я, ведущая этой передачи и по совместительству рассказчик этой истории, Ирина Лебедева, увидела впервые Марину пару месяцев назад в театре, попав туда по своим делам вместе с моей подругой, Настей Палиной, и, восхитившись внешностью и талантом Марины, захотела сделать с ней передачу. Впрочем, прошло немало времени, и я даже позабыла об этом прелестном видении, пока однажды совершенно неожиданно не столкнулась с Мариной в подъезде своего дома.

Я не сразу сообразила, кто передо мной, а сообразив, вспомнила, что хотела пригласить ее на съемки. А вспомнив, уже не отстала от Марины, заговорив сразу.

– Подождите, – сказала я поднимающейся по лестнице девушке – лифт у нас, как всегда, не работал. – Она остановилась и посмотрела на меня очень внимательно.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, – меня зовут Ирина Лебедева, я ведущая передачи «Женское счастье», и у меня к вам предложение... – Марина продолжала смотреть все так же вежливо и с интересом, а я продолжила: – Могу ли я пригласить вас на прямой эфир?

Она немного помолчала и, едва заметно улыбнувшись, кивнула в ответ. Мы разговорились, и выяснилось, что Марина совсем недавно переехала в наш дом вместе со своим гражданским мужем, Игорем Смеловским. Квартира, которую они купили, по какому-то роковому совпадению, находилась как раз над моей, и Марина пригласила меня к себе в гости. Естественно, я с радостью согласилась. С тех пор мы довольно часто виделись, однако у Марины все не находилось времени на то, чтобы приехать к нам в редакцию и заняться подготовкой к передаче. Наконец, когда театральный сезон закончился, она выбрала день и вот теперь стояла на пороге редакции.

– Проходите, – пригласила ее Моршакова, дама бальзаковского возраста, всегда чрезвычайно ухоженная и вежливая с героинями передачи. Что же касается коллег и домашних, то порою чувство такта Галине Сергеевне изменяло, впрочем, все мы не без греха.

Марина прошла и заняла кресло напротив моего стола.

– Привет, Ира, – сказала она. – Вот я к вам и вырвалась наконец.

– Спасибо, – отозвалась я и представила гостье присутствующих. – Знакомься, это Галина Сергеевна Моршакова, наш режиссер. Обладает удивительной способностью наводить порядок в студии. – Галина Сергеевна благосклонно улыбнулась. – Это – Лера Казаринова, помощник, ей по силам любые трудности, я даже подозреваю, что в Лерином лексиконе вовсе отсутствует понятие «невыполнимо». – Наша милая помощница чуть стушевалась, видимо, на нее Маринина внешность произвела сильное впечатление.

– А этот небритый молодой человек, – кивнула я в сторону самого удобного во всей телестудии кресла, в котором развалился высокий бородатый брюнет с веселыми глазами и замашками геолога-разведчика периода этак шестидесятых тире семидесятых годов прошлого века, пытающийся сейчас сделать безучастное лицо и не выдать, насколько его поразила Марина, – Павел Старовойтов, наш оператор, по убеждениям и привычкам истинный сибарит, хотя и спец в своем деле. Вот, собственно, с нами тебе и придется иметь дело до эфира и во время него. Что скажешь?

– Я рада, что выбралась к вам, – искренне призналась или прекрасно разыграла искренность Марина, впрочем, все мы и без того уже были в ее власти.

Ну, после этого мы немного встряхнулись и приступили к обсуждению, собственно, самой передачи. Времени оста-

валось не так уж много: всего через три дня, в пятницу, в шесть вечера, был запланирован прямой эфир, собственно, это было «время Ч», наша передача выходила уже не первый год, а эта должна была стать последней перед летними каникулами, во время которых, как всем известно, показывают только старые записи. Что поделать, в сезон дач и отпусков рейтинги нашего «Женского счастья» автоматически падают, но нельзя было не радоваться, эфиром с Мариной мы заканчиваем очередной сезон.

Домой мы с нашей героиней поехали вместе. У Марины была маленькая, юркая и совершенно незаменимая в городе «Ока», а сама Марина во время обсуждения передачи вела себя наилучшим образом, начисто развеяв миф о том, будто все красивые женщины, а особенно актрисы, избалованные и высокомерные *parvenu*. Ничего такого я и прежде не замечала за своей новой соседкой, а то, что она была так мила и приветлива с моими коллегами, и вовсе меня порадовало. Что и говорить, довольно редко встречаешь таких вот обаятельных людей, особенно среди творческой интеллигенции, однако исключения попадают, и это не может не радовать.

– Ну, что скажешь, Марина? – поинтересовалась я у нее. – Как тебе мои коллеги?

– По-моему, очень приятные люди, – ответила она с улыбкой. – И вообще, я очень довольна, что ты тогда меня окликнула, в нашу первую встречу.

– А я-то тем более! – отозвалась я.

– Кстати, Ира, а когда у тебя отпуск? – спросила Марина немного погодя, когда наша маленькая беленькая машинка замерла у светофора. – Я правильно поняла, что это будет последняя передача в этом сезоне?

– Да, а отпуск начинается с понедельника, – сообщила я, чувствуя, что при мысли о двадцати шести законных выходных у меня начинается легкое эйфорическое головокружение. Как же я устала за этот сезон!

– А куда собираешься съездить?

– Марина, я собираюсь отоспаться! Это – самое главное. Потом, у моего мужа отпуск начинается на две недели позже, и я даже не знаю, получится ли куда-нибудь вообще выбраться, может, разве к его родным в Питер.

– Питер – это, конечно, хорошо, – отозвалась Марина, вливаясь в поток машин, свернув на нашу улицу. – Но у меня есть предложение поинтереснее. Мы с Игорем как раз через две недели, это будет середина июля, собирались съездить на Кипр. Не хотите к нам присоединиться?

– А сколько это стоит? – тут же спросила я. Не то чтобы у нас с Володькой не было заначки на отпуск где-нибудь за границей, но ведь за граница за границе рознь.

– Нет, это недорого, на неделю это стоит около трехсот долларов на одного человека.

– Не знаю, – пожала я плечами, когда мы уже въехали в наш двор, – надо посоветоваться с мужем. И потом, ты ведь до сих пор так нас не познакомила с Игорем.

– А ты до сих пор, – с мягкой иронией парировала Марина, – не познакомила меня с Володей.

– Ну, это поправимо, – тут же ответила я.

– Вот и с моей стороны это тоже поправимо. Игорь обещал быть на передаче, значит, там и познакомитесь. Ты извини, – продолжила она, – но он сейчас очень занят, собирается отделяться от своего компаньона, поэтому хлопот много, я и сама его последние пару месяцев почти не вижу, – с легким вздохом закончила она, выходя из машины.

– Да и я не очень часто в последние дни вижу с супругом, – доверительно произнесла я, когда мы уже направились в сторону нашего подъезда. – У него все экзамены...

– Бедные мы, несчастные, – улыбнулась Марина, – покинутые женушки...

– А по этому поводу, – предложила я, – не заглянуть ли нам ко мне и не расслабиться ли за чашечкой кофе с капелькой ликера? Что скажешь?

– Согласна, – ответила Марина. – Только поднимусь к себе, переоденусь и тотчас спущусь к тебе.

На том мы и порешили. И провели время довольно приятно, обсудив заодно не только предстоящий эфир, но и возможный совместный отпуск. Оставалось только познакомиться с мужьями и заручиться их согласием. Уходя уже около восьми вечера, Марина сказала:

– Даже если наши мужики не захотят составить нам компанию, поедем вдвоем, хорошо?

– Обещать не могу, но подумаю, – завершила я ее, и на этом мы и распрощались.

Естественно, едва мой муж вернулся из института, как я тут же, поставив перед ним тарелку с окрошкой – самой лучшей едой в жаркую летнюю пору, – приступила к мозговому штурму.

– Володя, – сказала я серьезно, – куда ты собираешься повезти меня в отпуск?

– Повезти? – вскинул муж черные брови и удивленно уставился на меня, перестав жевать.

– Ну да, по-моему, я заслужила какую-нибудь заграничную поездку в экзотическое место, тебе не кажется? Ты же сам твердишь все время, что мне нужно хорошенько отдохнуть, – добавила я.

– Ира, – вздохнул Володя, – а мы, что, не можем обсудить эту тему попозже? Скажем, после ужина?

– Можем, конечно, – у меня тут же пропал весь запал. – Просто мы только что говорили с Мариной, она предложила нам присоединиться к ним. Они с мужем едут в середине июля на Кипр. На неделю триста долларов за человека. Что скажешь?

– Обещаю подумать, – ответил муж, снова принимаясь за окрошку.

Я вздохнула, но ничего больше не добавила: ладно, еще есть время, а значит, остается надежда на то, что Кипр я в этом году все-таки увижу.

Следующие три дня были, как всегда, полны рабочей суматохи, мы всю готовились не только к съемкам, но и приступили к приготовлениям к предстоящему отпуску. Например, Паша сообщил нам еще в среду, что пойдет со своими друзьями в поход на байдарках, чем, признаться, нас немного удивил. Мы-то полагали, что врожденная лень не позволит ему решиться на участие в этом мероприятии, поскольку знали, что Пашкины друзья зазывают его уже не первый раз и он умудряется всегда отказываться, но в этом году Пашка был полон решимости, и мы посчитали, что это, должно быть, добрый знак: он означал, что Пашка, похоже, взрослеет.

Лера собиралась провести отпуск у подруги в Калининграде и вся от предвкушения этого так и светилась. Еще бы, Калининград, если мне не изменяет память, один из красивейших городов, к тому же там тоже есть море. А Галина Сергеевна, как всегда, собиралась побывать в двух местах – у родителей на Украине и у сына в Казахстане. Я же пока отделивалась общими фразами и намеками, поскольку вопрос с Кипром все еще не был решен окончательно.

В общем, мы основательно суетились не только потому, что еще нужно было снять и смонтировать сюжет для будущей передачи, составить сценарий, согласовав его с Мариной, провести репетицию, но еще и потому, что почти из сотни снятых уже программ выбрать те десять, что будут идти в эфире нашего канала все то время, пока мы отдыхаем и

готовимся к новому телесезону. Задача оказалась не из легких: мы просиживали в монтажной допоздна, просматривали передачи, стремясь выбрать лучшие, но конца и края горе кассет все не было. А Кошелев, шеф нашей телестудии, отпускал нас всех в отпуск с условием, что мы положим ему на стол лучшие из лучших, снятые за прошедший год. Ситуацию неожиданно спас Валерка Гурьев, наш коллега, журналист-криминалист, делающий на нашем канале криминальные репортажи. Пару раз застав нас поздно в монтажной и посочувствовав от души, он предложил провести голосование.

– Пусть, – сказал он, – телезрительницы сами решат, что именно им хотелось бы увидеть снова. Сообщите телефонный номер, по которому они смогут вам позвонить, а еще лучше провести такое голосование в Интернете.

– С Интернетом ты, конечно, Валера, загнул, – сказала я задумчиво, – потому что основная категория наших зрительниц – домохозяйки и пенсионерки, но в целом идея очень даже ничего... Галина Сергеевна, как вы думаете, это реально?

– В целом, да, – откликнулась Галина Сергеевна, слегка прищурившись и изящным жестом поправив всегда великолепно уложенную стрижку, – надо только с Кошелевым согласовать.

Когда согласовали с «батькой», этот вопрос был решен, и нам оставалось лишь сообщить в эфир номер телефона. Мы решили, что лучше всего обратиться с этой просьбой к теле-

зрительницам после передачи и сообщить их целых два, оговорив, что звонить они могут в течение суток после эфира. А Иван Петрович, специалист по компьютерному оборудованию, обещал устроить так, чтобы подсчет голосов в пользу той или иной передачи шел автоматически.

В пятницу, еще утром, когда я собиралась на работу, а муж уже ускакал к своим студентам, ко мне зашла Марина.

– Привет, – сказала она, когда я открыла дверь. – Ты собираешься на работу? Можно?

– Входи, – предложила я. – Что-то случилось?

– Нет, ничего, просто, знаешь, – Марина улыбнулась смущенно, проходя в гостиную, – я так волнуюсь. Как перед выходом на сцену.

– Ну, считай, что это и будет очередной выход на сцену, – усмехнулась я. – Прямой эфир, диалог со зрителем.

Марина сжимала свои красивые руки и с беспокойством оглядывала комнату.

– Марина, ну, ты чего? – удивилась я. – Присядь. Не волнуйся слишком сильно, ничего не случится, все будет в порядке.

– Знаешь, Ира, – сказала она вдруг, сев в кресло, – у меня какое-то нехорошее предчувствие... – Белогурова заметно побледнела.

– Какое предчувствие? – мгновенно насторожилась я, хоть и не подверженная никаким суевериям, но наученная горьким опытом довольно частых несчастий, случающихся с мо-

ими героинями.

– Будто что-то должно случиться, что-то нехорошее... Знаешь, я всегда такие вещи чувствую. Вот однажды, я еще девчонкой была, мне лет десять было, – стала рассказывать Марина, глядя перед собой, – я увидела во сне старую женщину. Обыкновенную деревянную избу, будто, как раньше были, с такими темными бревенчатыми стенами, представляешь? – Она вопросительно посмотрела на меня, я кивнула в подтверждение. – Вот, и как будто я в эту избу вхожу, на улице светло еще, а в ней такой зловещий полумрак, окошко одно, но и то маленькое, в русской печи огонь горит, освещает слегка это мрачное жилище... А я иду, мне страшно, но я все равно иду к углу, вижу, там кто-то сидит, но кто, не могу понять. Поднимаю глаза, уверенная, что увижу икону, а иконы нет, хотя должна быть, я знаю точно, но ее нет... А я все приближаюсь к этому углу. И вдруг вижу там старую женщину, одетую во все черное. – Марина слегка провела кончиками пальцев от своей макушки вниз. – Вся в черном, а лицо такое белое-белое, губы тонкие и бескровные, и глаза запавшие, усталые, темные. Она смотрит на меня и вздыхает. – У Марины на глазах выступили слезы. – И под этим ее взглядом мне отчего-то так тоскливо стало, так жалко... А кого и не знаю... – Марина посмотрела на меня, моргнув, и слеза скатилась по ее щеке. – То ли себя жалко, то ли ее, то ли еще кого-то, то ли всех людей сразу...

На меня, признаюсь, рассказанное произвело впечатле-

ние, и я живо представила себе этот сон, что мне тоже стало как-то беспокойно, но, оказалось, это еще не все. Помолчав, Марина продолжила:

– Не знаю, сколько она так смотрела на меня. Только на следующий день умер мой дедушка...

Я посмотрела на Марину хмуро: нет, только не надо продолжать, хотелось попросить ее, но я не смогла.

– Потом она мне приснилась через несколько лет, перед смертью отца. А еще один раз, два года назад, после такого сна умер брат моей подруги. В автокатастрофе погиб.

Я вздохнула и покачала головой. Я, конечно, всегда предполагала, что актеры личности экзальтированные и подвластные внушению, особенно самовнушению, полагая, что с ними такое происходит оттого, что психика у них более тонкая, менее гибкая, подверженная стрессам, любого рода психическим отклонениям. Но сейчас мне стало на самом деле жутковато, хотя и не скажу, будто я поверила в то, что Маринин сон действительно напрямую связан со всеми случившимися смертями.

– Вот и сегодня она мне приснилась, – между тем сказала Марина, хотя это было уже слишком: я и так поняла, в чем причина ее волнения и бледности.

– Марина, милая, чем меньше ты будешь об этом думать, тем меньше этот сон сможет влиять на реальные события. – Она посмотрела на меня недоверчиво. – По крайней мере, я придерживаюсь именно такой точки зрения, – сочла нужным

добавить я. – Конечно, я не толкователь снов и не психолог, но мне показалось, что ты придаешь этому сну слишком серьезное значение, больше, чем он того заслуживает. Может, ты просто стала бояться увидеть эту женщину снова, связав ее со смертью, поэтому, когда она снится тебе, ты уверена, что скоро кто-то обязательно умрет. Ты так не думаешь?

– Я бы рада так думать, – отозвалась Марина. – Но она действительно снится мне перед смертью кого-то из близких. Я боюсь...

– Не знаю, что и сказать, – вздохнула я. – Сходи в церковь, поговори со священником, он что-нибудь посоветует. Ты крещеная?

– Да, крестилась пять лет назад.

– Вот и сходи, полагаю, что священники в таких вещах больше меня разбираются. Если же ты неверующая, сходи к психотерапевту, он тоже в таких вещах разбирается. И, знаешь, оба – и врач и священник – скажут тебе, что незачем увлекаться сновидениями и ни к чему наделять их провидческой силой, которой они изначально не имеют. Пойми, сон до той грани не может серьезно влиять на нашу жизнь, до какой мы ему этого не позволяем. Конечно, есть еще вариант... – Я вздохнула и продолжала предельно серьезно: – Можешь пойти и к какому-нибудь заправскому колдуну-магистру-магу-ясновидящему-экстрасенсу и т. д., и т. п. Вот он-то как раз и скажет, что снилась тебе сама Смерть, что у тебя родовое проклятие, венец безбрачия и огромная порча с

левой или, как вариант, с правой стороны. И, конечно, он может попробовать тебя лечить, но за результат отвечать не может, ведь все ужасно запущено, а лечение у него не бесплатное: ты же должна понимать, сколько стоят все эти раритеты, которыми он пользуется, или, например, как дорого в энергетическом плане ему обходится подключение к Космосу, поэтому он свои затраты компенсирует в плане материальном...

Марина повеселела, слушая мою речь, она даже слегка улыбнулась, что меня порадовало.

– Так что, Мариночка, выбирай сама, к кому тебе лучше обратиться. Если хочешь поддаться суевериям и влиянию каких-то потусторонних сил, о которых мы, к счастью, мало знаем, то они только рады будут на тебя влиять, и чем дальше, тем сильнее. А если не хочешь... если не хочешь, то, как говорит мой знакомый священник, им не так-то просто будет на тебя повлиять.

– Спасибо, – сказала Марина. – Ты меня успокоила.

– Пожалуйста, – отозвалась я. – Я просто высказала свою точку зрения и буду рада, если она тебе пригодится.

– Ты, наверное, опаздываешь? – спохватилась Марина.

– Да, есть немного, но ничего, как-нибудь успею.

– Ира, давай я тебя подвезу, – предложила она. – Это ведь будет быстрее.

– Ну, в таком случае у меня даже есть шанс успеть вовремя.

Марина поднялась к себе за ключами, а я закончила сборы, и вскоре Маринина «Ока» уже остановилась у здания телецентра. Договорившись, что я буду ждать ее около пяти часов вечера, мы простились. Марина обещала, что не станет вспоминать о своем сне. А я подумала, что это будет не так-то просто, ведь она годами привыкала к тому, что этот сон сулит чью-то смерть, и отказаться от этой ассоциации не так просто.

В половине пятого Марина появилась у нас со своим гражданским мужем, Игорем, тридцатилетним красавцем-блондином, рослым и буквально пышущим здоровьем, улыбочивым и голубоглазым, в общем, составляющим Марине самую подходящую пару. Мне он показался как-то смутно знаком, но, где и когда я его видела, я никак не могла вспомнить, хотя память на лица меня обычно не подводила. В итоге, перестав ломать себе голову, я решила, что, может, видела Игоря где-нибудь случайно, но благодаря его богатой фактуре запомнила. Мы определили ему самое лучшее место в студии, прямо напротив Маринино кресла в первом же ряду, а он, словно большой ребенок, чрезвычайно заинтересовался тем, что происходит на телевидении и как вообще делаются передачи. Он буквально хвостом ходил за Галиной Сергеевной, путаясь в проводах и задавая кучу вопросов, вызывая легкую усмешку своим добродушным видом и блестящими от любопытства глазами.

– Как тебе Игорь? – спросила Марина, когда нас пригласи-

силы в гримуборную.

– О, он мне очень понравился, – честно призналась я. – Мне кажется, он хороший парень и просто обожает тебя.

– И я его обожаю, – ответила Марина. – Его трудно не обожать, он очень внимательный и... забавный.

– Да, он очень милый, – подтвердила я, думая о том, сойдутся ли они с моим мужем. А почему нет?

– Как ты полагаешь, они понравятся друг другу? – спросила Марина, словно прочитав мои мысли.

– Ты о наших мужчинах? – уточнила я. Она кивнула. – Думаю, должны бы, – ответила я, и тут нас пригласили в студию.

Как всегда, все места на трибуне были заняты, и посреди абсолютного большинства женщин всех возрастов, в первом ряду восседал Игорь, глядя вокруг с интересом и каким-то чуть сдерживаемым восхищением. Выглядел он словно султан, окруженный наложницами. Мы с Мариной переглянулись и улыбнулись друг другу, заняв места напротив трибуны. Эфир начался, и все шло как по маслу. Сначала...

Сначала все шло как по маслу, Марина очаровывала публику, Игорь не сводил с нее восхищенного взгляда, дамы в зале реагировали довольно живо. Затем пошло три телефонных звонка, я спрашивала, Марина – отвечала, Галина Сергеевна благодушно улыбалась, Пашка показывал знаками, что все отлично, Лера сновала по залу с микрофоном. И вот уже до конца эфира оставалось не больше десяти ми-

нут. Но прежде чем сделать последнюю рекламную паузу, я обратилась с просьбой о голосовании и продиктовала телефоны. Пошла реклама, мы перевели дух, приготовившись к последнему броску, и тут...

Игорь вдруг как-то заметно побледнел, схватился за горло, потом за грудь, потом попытался расстегнуть воротник рубашки. Марина вскочила с места, подбежала к нему, а он, издав какой-то хриплый звук, вдруг начал заваливаться на свою соседку слева. Дама взвизгнула и попыталась отодвинуться, но она сидела не одна, и поэтому те, кто сидел дальше и мало что понимал в происходящем, заволновались, заругались, и в студии вот-вот готов был разразиться скандал, но Галина Сергеевна, подоспев на выручку, оказалась рядом с Игорем и Мариной, пытающейся поддержать большое тело мужа и о чем-то причитающей, уверенным движением пощупала пульс и скомандовала, перекрыв нарастающий гул в студии:

– Ти-хо! Быстро за врачом! «Скорую»!

Потом она повернулась ко мне и точно так же скомандовала:

– Сейчас повторяешь про телефоны и попраешься. Не забудь извиниться за то, что передача получилась короткой! – и, окинув еще раз взглядом растерянную аудиторию, произнесла: – Дамы, сохраняйте тишину, еще пять минут, и вы будете свободны. Кто-нибудь пошел за врачом? А «Скорую» вызвали?

Ей ответили, что да, за врачом побежала Лера, а «Скорую» уже вызывают. Галина Сергеевна удовлетворенно хмыкнула и повернулась ко мне, не сводя с меня внимательного и требовательного взгляда. Я посмотрела на притихшую публику и на притихшую Марину, она села рядом с Игорем, заняв место его соседки, и тихонько поглаживала его, привалив к себе спиной, но молчала. Я поймала ее быстрый взгляд и поняла, чего ей стоило это молчание, но работа есть работа, и, пожалуй, Марина, как актриса, понимала это лучше всех: ведь сейчас у нас тоже шел спектакль, и, что бы ни случилось за кулисами, зрители не должны об этом догадываться, они должны получить то, на что рассчитывали.

Оператор подал мне знак, который означал, что реклама кончилась, и я, помнится, даже удивилась, что все случилось за какие-то три минуты. Я улыбнулась в объектив и произнесла тот текст, что была должна. Голос не дрожал и, только попрощавшись, поняв, что эфир окончен и уже пустили музыку, я уразумела, что это короткое выступление стоило мне немало напряжения.

Я обернулась к Марине и тут же услышала ее тоненький вскрик. В дверях появились Лера и врач, обслуживающий наш телецентр. А через три минуты была констатирована смерть Игоря, предварительный диагноз – обширный инфаркт.

Глава 2

Опуская подробности дальнейших событий, которые не так уж сложно представить, скажу лишь, что «Скорая» подтвердила диагноз и увезла тело Игоря. Я же взяла на себя заботу о Марине.

Конечно, она была в таком состоянии, что страшно было доверить ей управление машиной – молочно-белой «Нивой» последней модели, принадлежавшей Игорю, – и повела машину сама. Марина сидела рядом, совершенно безучастная ко всему, она словно впала в транс, и я серьезно опасалась за ее состояние. К тому же я не могла не думать и о ее вещем, как оказалось, сне. Получалось, что женщина в черном и правда будто напороочила очередную смерть. Даже если у меня появились такие мысли, то нетрудно себе представить, что же тогда чувствовала Марина. Но она молчала, и я не решалась заговорить с ней. Наконец, когда мы оказались почти у дома, я предложила:

– Если хочешь, пойдем ко мне. Наверное, тебе не следует оставаться сейчас одной.

Она посмотрела на меня потухшим взглядом и, поколебавшись, кивнула в ответ. Мы вышли из машины и направились к подъезду. Поднялись ко мне, и я предложила выпить, зная по опыту, что небольшое количество алкоголя – но только очень небольшое – несколько расслабляет в подоб-

ных обстоятельствах. Марина опять согласилась без особого энтузиазма. Я налила нам в рюмки коньяку, и мы выпили.

– Знаешь, – сказала она, поставив рюмку на столик, – это все странно...

– Что именно?

– Сердечный приступ, – объяснила она, посмотрев на меня. – Игорь ведь очень следил за своим здоровьем. Он постоянно проверялся, ходил в спортзал и вообще... Был вегетарианцем. А последний раз он заглянул в поликлинику всего месяц назад, и все у него оказалось в порядке.

– А он не мог скрывать от тебя, что на самом деле болен? – спросила я.

– Скрывать? – удивилась Марина.

– Ну, как одно из возможных объяснений, – предположила я. – Говорят, такое нередко случается, когда серьезно больные люди скрывают свою болезнь от родных, чтобы не омрачать последние дни ни им, ни себе. Ты об этом не думала?

– Нет, – покачала она головой, – Игорь был здоров, я это знаю наверняка. У нас один кардиолог, он бы мне сказал.

– И все же? – не унималась я, стараясь хоть чем-то ее отвлечь.

– Если хочешь, я ему при тебе позвоню, – проговорила Марина.

– Позвони, – согласилась я и принесла телефонный аппарат.

Марина набрала номер, но почти сразу положила трубку.

– Занято, – сказала она. – Странно, что эта идея пришла тебе в голову...

– Ты так полагаешь? – удивилась я. – Но мне кажется, что такое вполне возможно. И потом, наверное, даже гуманно по отношению к родным. Не портить им последние дни, не изводить нытьем и стенаниями, уйти, пусть и неожиданно, но без истерик. А родители не могут знать о состоянии его здоровья?

– Его родители умерли, – ответила Марина. – Кажется, лет пять назад. Он тогда только институт окончил... Умер сначала отец, а потом, и года не прошло, как ушла мать. – И она снова принялась названивать кардиологу.

– А кто из родных остался? – спросила я, когда Марина снова положила трубку: кардиолог все еще с кем-то беседовал.

– Тетка и ее дочь, насколько мне известно. – Марина изобразила какую-то брезгливую мину.

– Что, ты их недолюбливаешь?

– Это у нас взаимное, – произнесла Марина. – Мы с Игорем три года вместе, а они до сих пор не желают со мной видеться, хотя он им недавно сказал, что в августе мы поженемся. – Она вздохнула, и на глаза выступили слезы.

– Кардиолог, – напомнила я.

– Ах да, – сглотнув, проговорила Марина, и на этот раз ей повезло: он уже освободился и взял трубку на другом конце

провода, а мне представился случай услышать половину их беседы:

– Здравствуйте, Александр Борисович, это Марина Белогурова. Да, да. Спасибо, конечно. Но... Нет, Игорь... Он... Он умер. Сегодня. Обширный инфаркт... Нет, может... – Марина всхлипнула. – А я вам говорю, что может. Да. – Она не договорила и, бросив трубку, разрыдалась в голос. – Он сказал, что... Игорь был абсолютно здоров, – проговорила она сквозь рыдания.

Я встала, обошла стол и села рядом с ней, прижав ее голову к своему плечу и поглаживая по волосам. Пусть, пусть выплачется, наверняка хоть немного, но полегчает. А я тем временем думала о том, что если кардиолог прав и сердце у Игоря было абсолютно здоровым, то, насколько мне известно, инфаркт просто так не случается. В чем же дело?

Не знаю, сколько времени мы так просидели, но Марина понемногу стала успокаиваться. Я заглянула ей в глаза и осторожно спросила:

– Может, приляжешь?

– Да, наверно, – откликнулась она.

– Тогда, пойдем. – Я встала и протянула ей руку. Марина взялась за нее, но не встала.

– Ира, надо сообщить его тетке... – произнесла она таким несчастным тоном, что у меня помимо воли сжалось сердце.

– Если хочешь, – вдруг неожиданно для себя самой, чтобы хоть как-то облегчить ее страдания, предложила я, – по-

звоню ей.

Марина на минуту потупилась и кивнула:

– Если можешь...

– Я-то смогу, – заверила я Марину. – Ты только номер ее скажи.

Марина продиктовала номер телефона, я записала его на подвернувшейся салфетке и отвела ее наконец в спальню.

– Тебе лучше уснуть, – посоветовала я.

– Я все равно не смогу, пока не узнаю, как она отреагировала, – ответила мне Марина и легла на кровать.

– Тогда я пойду звонить, – сказала я. – Чтобы ты поскорее узнала и уснула.

– Хорошо, – слабо улыбнулась Марина и добавила: – Спасибо тебе.

– Не за что, – вздохнув, проговорила я и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Я прошла на кухню и, сев за стол, пододвинула к себе телефонный аппарат. Набрала номер, я дождалась, когда снимут трубку.

– Да? – услышала я молодой женский голос.

– Здравствуйте, могу ли я услышать Евгению Александровну?

– А кто ее спрашивает? – поинтересовались у меня.

– Это одна знакомая, – ответила я неопределенно. – Но по очень важному делу, это касается ее племянника Игоря.

– А что с ним? – Голос мгновенно стал подозрительным.

– Надо полагать, я говорю с Наташей? – спросила я вместо ответа.

– Допустим, – не очень-то вежливо отозвалась двоюродная сестра Игоря.

– Мне бы лучше с вашей мамой поговорить, это действительно важно.

– Хорошо, – выдохнула Наташа после некоторого раздумья, и тут же я услышала, как она подзывает к телефону мать.

– Да. – Евгения Александровна взяла трубку. – Что вы хотели сообщить? И кто вы, в конце концов?

– Я журналистка Ирина Лебедева, – представилась я, – веду передачу на телевидении, может, слышали, «Женское счастье»?

– Допустим, – с той же интонацией, что и несколькими минутами раньше ее дочь, произнесла она.

– Так вот, дело в том, что сегодня состоялся эфир, на него была приглашена Марина Белогурова, и Игорь был в зале...

– Все, что касается этой вертихвостки, – ледяным тоном заявила Евгения Александровна, – нас не интересует.

– Это касается вашего племянника. Он умер.

Повисла пауза.

– Что вы сказали? – с подозрительной ласковостью спросила она.

– Ваш племянник умер во время эфира. Обширный инфаркт.

– Это чушь! – воскликнула женщина на другом конце про-

вода. – У Игорька было здоровое сердце! Он скорее умер бы от сексуального истощения, чем от инфаркта! И вообще, кто вы такая и что вам надо?! Что за идиотский розыгрыш?!

– К сожалению, Евгения Александровна, – спокойно ответила я, – это не розыгрыш. Я была свидетельницей этого несчастья и, кроме меня, еще несколько десятков людей. Был поставлен диагноз – инфаркт. Конечно, более точно обо всем можно узнать после вскрытия...

– Так это правда? – ахнула женщина, будто ее что-то душило.

– Правда.

– Когда это случилось?

Я посмотрела на часы:

– Полтора часа назад.

– Где?

– В телестудии. На прямом эфире.

– Так вот, значит, почему передача была такой короткой... – рассеянно пробормотала она, и я заключила, что не «все, что касается этой верхивостки», их не интересует.

– Да, поэтому, – подтвердила я.

– А почему это звоните вы? – вдруг с неожиданной злостью в голосе прошипела тетка Игоря. – Что, Мариночка сама не могла?

– Неужели вы не понимаете, в каком она состоянии? – укорила я тетушку. – Он ведь умер у нее на глазах.

– Я-то все прекрасно понимаю! – воскликнула Евгения

Александровна. – Она, значит, вас своим эмиссаром назначила, да?! А самой, значит, оказалось слабо? Ну, еще бы! Ведь это она, она его убила! – Я невольно вздрогнула от такого нелепого обвинения. – И я даже скажу вам, девушка, зачем! Вы, похоже, купились тоже на ее смазливую мордочку, но не все так, как вам кажется! Она убила его из-за денег! Да! Он ведь на нее подписал завещание, всего месяц назад! Ох, дурак, дурак! Сам себе смертный приговор подписал!

Я слушала, не перебивая, ей нужно было высказаться, а мне, возможно, послушать, мало ли зачем пригодится? Я уже знала по опыту, что все действительно частенько выглядит далеко не так, как кажется.

– Я всегда говорила, что она с ним только из-за денег, а он, дурачок, мне не верил! – продолжала между тем Евгения Александровна. – А у нее, сволочи, даже терпения больше, чем на месяц, не хватило! Ну, уж теперь я до нее доберусь! Выведу на чистую воду! Уж она у меня попляшет! Сполна мне за Игорькову смерть заплатит! Я этого дела так не оставлю!

– Евгения Александровна, – перебила я негодующую женщину, говоря как можно более спокойно, – а как она его убила?

– Что?! – чуть не взвизгнула она. – Как убила? Вот это я и выясню! Но можете ей передать, что так просто ей все это дело с рук не сойдет! Захотела его денежками попользоваться?! Нет, не выйдет! Я эту породу хорошо знаю! Слыши-

те, так можете ей и передать! Пусть не рассчитывает, что чистенькой выйдет! Ишь, придумала, будто у него сердце большое! Да лучше бы что-нибудь похитрее изобразила! Никто ж не поверит! Все же знают, что он спортсмен был! Вы его видели? Да, значит, сами знаете, что он настоящий Геркулес! Нет, нет и нет! В каком он морге? – без перехода спросила она, поэтому я даже не сразу поняла суть вопроса.

– Что? А, в центральном, – ответила я.

– Ну, ладно! – мстительно проговорила женщина. – Я этим займусь! – И она бросила трубку.

Я посидела немного в раздумье. Похоже, тетушка и правда была не подарок и Марину она действительно терпеть не могла. Почему? Были ли тому веские причины или так было бы с любой, кто оказался бы на Маринином месте? Говорит ли в тетке простая ревность или за этим стоит нечто большее? Не была ли Марина волком в овечьей шкуре? И завещание? Что эта фурия говорила о завещании? Я покачала головой, чувствуя, что в этой смерти действительно много загадочного, и пошла докладывать Марине. Я вовсе не собиралась скрывать от нее правду о разговоре. Предупрежден, значит, вооружен, не так ли?

Я зашла в спальню, приготовившись к разговору, но Марина спала. Я немного постояла, глядя на ее прекрасное – иного слова и не подберу – лицо и думая о том, что было бы очень жаль, если бы за этой красивой оболочкой скрывалась грязь и мерзость. Потом я вспомнила тот взгляд, который

она бросила на меня в студии, а затем и то, как она плакала у меня на плече. Конечно, Марина – профессиональная актриса, и на это тоже надо было делать скидку, но все же, как не хотелось верить в то, что она причастна к смерти Игоря. Неужели меня ждет еще одно разочарование в людях?

Я услышала, как в замочной скважине поворачивается ключ, и, выйдя из спальни, я поспешила навстречу мужу.

– Привет. – Я постаралась улыбнуться.

– Привет, – откликнулся Володя и тотчас задержал на моем лице внимательный взгляд, спросил, прищурившись:

– Как у тебя дела?

– Ничего, – тихонько ответила я.

– «Ничего» – это значит, неплохо, да?

Я кивнула в ответ.

– Тогда почему у тебя такой несчастный вид?

– Пойдем на кухню, – предложила я со вздохом.

– Пойдем, – пожал он плечами и направился следом за мной.

Я села за стол и посмотрела на него. Володя опустил на свободный табурет и уставился на меня испытующим взглядом. Я помолчала.

– Ира, – покачал он головой, – только не говори, что опять что-то случилось на передаче...

– Случилось, – виновато откликнулась я.

– Нет, это невозможно! – воскликнул он. – Послушай, тебе и правда следует задуматься о смене профессии! Это ка-

кой-то злой рок, честное слово! – Я бросила на него умоляющий взгляд исподлобья. – Что на этот-то раз? – сбавил он обороты, спрашивая уже мягче. – Надеюсь, обошлось без жертв?

– Не обошлось, – откликнулась я снова.

Он глубоко вздохнул и коротко поинтересовался:

– Кто?

– Наш сосед, Игорь Смеловский...

– Смеловский? – нахмурился муж. – Это что, тот, с чьей женой вы собирались в отпуск? Как ее, Марина, кажется?

– Да, тот. Он приехал вместе с Мариной на передачу, и на эфире у него случился сердечный приступ.

– А у него было больное сердце? – почти равнодушно поинтересовался муж, но я все равно заметила нотку облегчения в его голосе.

Надо полагать, чувство облегчения относилось к тому соображению, что хоть на этот-то раз обошлось без криминала и вообще каких бы то ни было таинственных историй. Жаль, конечно, но я должна была его разочаровать, поэтому, вздохнув, сказала:

– В том-то и дело, Володя, что сердце у него было абсолютно здоровым.

Володька уже было собирался отправиться переодеваться, уже встал с табурета, а моя реплика застала его в дверях кухни и вынудила обернуться ко мне с таким растерянным лицом, будто я застала его на чем-то предосудительном в

самый неподходящий момент.

– Что? – повернулся он ко мне. – Прости, я, кажется, не расслышал. По-моему, ты сказала, что у него случился сердечный приступ? Разве при здоровом сердце это возможно?

– В том-то и дело, – проговорила я. – Ему поставили диагноз: обширный инфаркт. Ну, это еще без вскрытия, конечно, а его врач и его родные в один голос утверждают, что с сердцем у него не было никаких проблем.

Володя медленно опустился обратно на табурет и, глядя на меня молящими глазами, произнес:

– Ира, но ты ведь не станешь вмешиваться в это дело, правда? Ты ведь устала, скоро у тебя отпуск, да, можно сказать, ты уже в отпуске...

– Мне еще нужно появиться на работе, – уточнила я, – чтобы подобрать кассеты с передачами на лето...

– Но это не в счет, это и работой-то не назовешь, всего-то каких-нибудь пара часов, – отмахнулся Володька. – Хочешь, мы с тобой съездим куда-нибудь? Например, в Крым? Это ничуть не хуже Кипра, поверь.

– Когда? – спросила я, чтобы не огорчать мужа.

– Ну, через пару недель, я как раз тоже в отпуск пойду, вот и махнем... А? Что скажешь?

– Я не против, – ответила я и даже улыбнулась ему. А про себя подумала: а что же делать предстоящие две недели?

– Значит, обещаешь, что не станешь ввязываться в это дело? – с надеждой произнес муж.

– Нет, я тебе этого не обещаю, – уклончиво проговорила я. – Я всего лишь сказала, что не против съездить в Крым.

– Но Ира! – воскликнул он.

– Что? – Я невинными глазками посмотрела на Володю.

С минуту мы глядели друг на друга с некоторым вызовом, это можно было бы назвать дуэлью на взглядах, поскольку обстановка заметно накалялась. И тут мой взгляд упал за Володькино плечо: там, в дверном проеме, стояла Марина.

– Извините... – произнесла она тихо.

Муж вздрогнул, повернулся и замер.

– Знакомься, Володя, – проговорила я в гробовой тишине. – Это Марина Белогурова, наша соседка и моя хорошая приятельница.

– Здравсьте, – процедил муж, метнув на меня быстрый обжигающий взгляд, поднялся с табурета и, бросив: «Извините», пролетел по коридору мимо Марины. Через мгновение мы обе слышали, как хлопнула входная дверь.

– Извини, – со вздохом пробормотала Марина, подойдя ко мне. – Я, наверное, здесь появилась очень некстати...

– Брось, – ответила я. – Такое иногда случается, и мой муж не исключение, у него порой тоже зашкаливает. Ты поспала?

– Да, – ответила Марина с милой улыбкой. – Спасибо, что заставила меня.

– Чаю хочешь?

– Не откажусь, если, конечно, это удобно, – поправилась она.

– Все удобно, не волнуйся, – завершила я ее и встала, чтобы приготовить нам успокоительного чаю, так моя бабушка называла обычный черный чай с добавлением мяты.

– Ты ей звонила? – поинтересовалась Марина через минуту.

– Евгении Александровне? – уточнила я и села за стол.

Марина кивнула.

– Звонила.

– И что?

– Честно?

– Лучше честно.

– Хорошо, – вздохнула я. – Значит, если честно, то она уверена, что это никакой не инфаркт, что у Игоря было замечательно здоровое сердце и что... – Я немного смутилась, – и что ты имеешь самое непосредственное отношение к его смерти.

– Я? – ахнула Марина и побледнела. – То есть как это?

– Ну, этого она и сама еще не знает, – с легкой усмешкой произнесла я. – Но зато она намерена это узнать. Грозилась, что выведет тебя на чистую воду, что этого так не оставит, ну и прочее, и прочее...

– Подожди, – рассеянно проговорила Марина. – А почему она так решила? Зачем мне это? Ведь я же любила его! Мы хотели пожениться... – В ее бездонных глазах заблестели слезы.

– А ты не догадываешься? – поинтересовалась я, при-

стально глядя на Марину. Неужели она ничего не знает о завещании?

– Нет, – ответила она твердо, а я задумалась, уж не врети она и стоит ли мне говорить ей о завещании.

– Тетя твоего гражданского мужа уверена, что он отписал тебе все свое имущество, – Я решила все-таки сказать об этом.

– Что? Что ты сказала? – удивилась Марина.

– То, что он все завещал тебе, все, что имел, понимаешь?

– Но с чего ты это взяла?

«Да нет, – подумала я, – вроде не похоже, чтобы она играла, притворялась, хотя...»

– Так ты ничего об этом не знаешь? – уточнила я.

– О чем об этом?

– О завещании, Марина, – произнесла я. – Тетка Игоря сказала, что незадолго до... Словом, что буквально месяц назад он ей сам сказал, что составил завещание и что главной наследницей по нему получаешься ты.

– Нет, Ира, ты что-то путаешь. – Марина произнесла это с таким видом, что я ей невольно поверила. Даже если это и игра, то как гениально сыграна!

– Почему? – все-таки поинтересовалась я. – Неужели он не мог тебе ничего завещать?

– Не знаю, мог или нет, но мы с ним никогда ничего такого не обсуждали. Да, последнее время мы все чаще стали задумываться о том, что надо бы пожениться официально, даже

решились на это, чуть ли не дату назначили, но завещание... Нет, – покачала она головой. – Я даже не подозревала, что оно у него вообще есть.

– Что ж, зато об этом знала его тетя, – проговорила я. – И она, между прочим, уверена, что и ты была в курсе. А еще, что ты его никогда не любила, что жила с ним ради денег и что, узнав о завещании, каким-то таким образом изловчилась и устроила ему инфаркт. Извини, но это ее версия. Поэтому она намерена вывести тебя на чистую воду и даже просила тебе это передать, чтобы ты, так сказать, не расслаблялась.

– Спасибо, – невесело усмехнулась Марина, – за то, что передала.

– Не за что, – вздохнула я, встала и налила нам настоявшегося уже чая.

– Спасибо еще раз, теперь за чай, – произнесла Марина, глядя в кружку. – Только пусть она выясняет, что хочет, и вообще строит какие угодно версии, но только я здесь совсем ни при чем... Надеюсь, ты-то мне веришь? – Она несчастно взглянула на меня.

Я вспомнила все, что случилось нынче в студии, и кивнула. Уж не знаю, какая у Марины была отметка, когда она училась по системе Станиславского, но только поверить ей очень хотелось. И потом, я ведь уже говорила, что она мне нравилась.

– Спасибо, – проговорила Марина.

– Хватит благодарностей, – отрезала я, – пей чай, его нужно пить горячим.

Марина послушно кивнула и отхлебнула из кружки.

– Хочешь переночевать у нас? – спросила я.

– Нет, не думаю, что это будет правильно, – покачала головой Марина.

– Да брось ты! Как ты там одна. – Я подняла глаза к потолку.

– Не знаю, но только, извини, мне нужно побыть одной.

– Ладно, – вздохнула я. – Делай так, как считаешь нужным. Если что, можешь запросто обращаться ко мне со всем.

– Спасибо еще раз, – произнесла Марина, допив чай и поднимаясь из-за стола. – Надеюсь, с мужем-то вы помиритесь?

– Я тоже надеюсь, – ответила я, провожая ее до дверей.

– Вот и съездили на Кипр... – проговорила Марина уже в дверях и вдруг, поддавшись какому-то порыву, обняла меня.

– Марина, если что, ты знай, я же рядом, – ласково сказала я, обнимая ее в ответ.

– Да, спасибо, я помню, – откликнулась Марина. – Завтра увидимся. Пока.

– Пока, – попрощалась я и закрыла за ней дверь.

Вернувшись на кухню, я допила уже остывший чай и села у окна. Где же Володька?

Вообще, такое поведение было несвойственно моему, слегка занудному, но в целом довольно выдержанному супругу. Отчего он вдруг так среагировал, мне было не совсем

понятно, но я надеялась, что это у него пройдет довольно скоро. Впрочем, мои надежды оправдались, потому что минут через десять после того, как ушла Марина, я услышала, как в замке поворачивается ключ. Я улыбнулась, встала и пошла ему навстречу.

– Привет, – сказал муж, войдя в прихожую с двумя пакетами.

– Привет, – несколько удивленно произнесла я, принимая из его рук протянутые мне сумки. – Что это?

– Продукты, – ответил он.

Я прошла на кухню и, поставив пакеты на стол, принялась их разгружать. Володя появился следом, обнял меня сзади за талию и, прижавшись губами к моему уху, зашептал:

– Ира, ты меня прости, я даже сам не понял, с чего завелся...

– Все забыто, – ответила я.

– Я прощен? – уточнил муж, щекоча меня своим дыханием.

– Прощен, – подтвердила я.

– Тогда... – Он отпустил меня, порылся в пакетах и достал коробочку «Раффаэлло».

– Ой! – воскликнула я при виде самого любимого моего лакомства. – Дай поцелую! – Я повернулась к мужу и прижалась к его губам.

Объяснения, разговоры, уговоры, продукты и даже вожденные конфеты были благополучно забыты едва ли не до

утра.

Глава 3

Наутро, проводив мужа в институт, заботливо покормив его перед выходом яичницей и напоив кофе, я решила подняться к Марине и узнать, как она себя чувствует. Марина открыла мне после второго звонка в дверь, и вид ее красноречиво говорил, что предыдущая ночь была проведена без сна и в слезах. Впрочем, она все равно была красива, даже с припухшими глазами. «Удивительно», – подумала я, ощутив несильный укол совести, потому что предыдущую ночь сама провела отнюдь не в слезах.

– Привет, – сказала я. – Как ты?

– Да ничего, жива, – ответила Марина. – Проходи.

Я прошла следом за ней в комнату, обставленную не без вкуса и изящества, села на светлый, напоминающий облако, диван.

– Не спала? – участливо поинтересовалась я.

– Да, почти не спала, – откликнулась Марина, устроившись с ногами в кресле и глядя на фотографию Игоря, стоящую на низком стеклянном столике рядом. – Звонила вчера его друзьям...

– Ну, и?..

– Наплакалась... – с горькой улыбкой сказала она. – Обещали сегодня приехать.

Тут в дверь позвонили, мы переглянулись, и я подумала,

что, должно быть, зашла не вовремя, если это его друзья, то мне здесь делать нечего.

Марина пошла открывать, а я решила сразу уйти, как только кто-то из них появится в комнате. Не хотелось присутствовать при церемонии соболезнования, тем более что хоть Смеловский и казался мне при жизни подозрительно знакомым, но я его совершенно не знала. Однако это оказались не друзья. И даже наоборот.

Через некоторое время в комнату вошли, как говорится, двое в штатском, которые, выразительно посмотрев на меня, переглянулись, и один, тот, что помоложе и поподозрительней, поинтересовался у Марины:

– Родственница? – кивнув в мою сторону.

– Нет, соседка, – отозвалась она, посмотрев на меня умоляющим взглядом.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил меня молодой нахал.

– Сначала вы, – тоже снахальничала я.

Он хмыкнул, извлек из кармана летней рубашки, увы, знакомую мне не понаслышке, красную корочку и, раскрыв ее привычным движением, сказал:

– Капитан Самойленко.

– Тележурналистка Лебедева, – ответила я, глядя ему прямо в глаза.

– Значит, вы соседка? – уточнил капитан.

– Значит. Живу внизу.

– Хорошо, нам как раз нужны понятые. Согласны присутствовать при обыске?

– При обыске? – переспросила я и посмотрела на растерянную Марину. – А на каком основании, позвольте поинтересоваться?

– На основании заявления гражданки Пряжниковой, а также на основании телефонного звонка.

– Ничего не понимаю, – нахмурилась я.

– Это тетя Игоря, – сказала Марина, и я тут же вспомнила вчерашние телефонные угрозы в адрес Марины. Оперативно работает Евгения Александровна, ничего не скажешь. А какой такой телефонный звонок?

– А что за звонок? – спросила я.

– К нам поступил сигнал, – ответил мне второй, пониже и поскромнее видом. – Мы приехали проверить. Ордер имеется.

– Замечательно! – только и смогла вымолвить я, поражаясь проявленной оперативности не только Пряжниковой, но и следственных органов.

– Так вы согласны присутствовать? – опять поинтересовался высокий. Я кивнула. Он тоже кивнул и обратился к напарнику:

– Нам нужен еще один понятой. Саша, сходи, приведи кого-нибудь.

Послушный Саша отправился на выход, а капитан Самойленко достал из папочки бумаги.

– Марина Валентиновна, – сказал он Марине, – мы сейчас проведем у вас обыск на предмет вещественных доказательств отравления вашего сожителя Смеловского Игоря Николаевича.

– На предмет чего?! – изумленно воскликнула Марина.

Но тут появился Саша со вторым понятым, которым оказался сосед по квартире справа, толстопузенький и лысоватенький дядька лет пятидесяти, в спортивном костюме и с ирядно помятой со сна физиономией.

После соответствующих процедур нас, понятых, повели на кухню, где на глазах у изумленной публики капитан Самойленко, натянув резиновые перчатки, недолго думая, полез в мусорное ведро, пошарил там и достал со дна небольшой, отлитый из темного стекла пузырек.

– Все видели? – спросил он, показывая нам его.

Мы все, потрясенные только что проделанным фокусом, кивнули, даже Марина.

– Что это? – тут же спросил у нее Самойленко.

– Не знаю...

– Вы видели эту вещь прежде?

– Нет, не видела.

– То есть вы отрицаете, что эта вещь принадлежит вам?

– Да, отрицаю, – твердо ответила Марина.

– Тогда каким образом вы можете объяснить ее появление в вашей квартире? – ехидно поинтересовался он.

– То есть вы хотите сказать, в мусорном ведре? – не сдер-

жалась я, оскорбившись за Марину.

– Помолчите, понятая, – сурово одернул меня капитан. – Так каким образом эта вещь попала к вам?

– Я не знаю, – ответила Марина. – Может быть, это Игоря...

– Возможно... – хмыкнул Самойленко. – Экспертиза разберется. Саша, ты все записал?

– Да, – откликнулся Саша, старательно записывающий «все» на листе бумаги, устроившись у кухонного стола.

Самойленко кивнул и предложил нам, понятым, расписаться.

Прежде чем поставить свою подпись на протоколе, я тщательно его прочла, но, увы, не нашла, к чему придраться. Похоже, Саша знал толк в составлении таких бумажек. Я расписалась. Толстопузика проводили, поблагодарив и напомнив, что, если понадобятся его показания, он должен явиться, а я осталась. Двое в штатском собирали свои бумажки, и, собрав их, высокий сказал:

– Марина Валентиновна, будьте дома и никуда не выезжайте из города. Мы вас вызовем. До свидания. Можете не провожать.

И все. Большого мы от них не услышали. Когда за ними захлопнулась дверь, мы с Мариной удивленно переглянулись: ощущение создалось такое, что все это нам привиделось.

– Как ты думаешь, что они нашли? – спросила я.

– Понятия не имею, – пожала плечами Марина. – А ты

заметила, что они явно знали, где искать?

– Заметила, – кивнула я. – Но если ты не знаешь, что это, то откуда он, пузырек, попал в мусорное ведро?

– Может, Игорь... – с сомнением произнесла Марина и, сев в кресло, задумалась, припоминая. – Да нет, не было в нем ничего. Ведро я выносила позавчера вечером.

– Что бы это ни было, – невесело проговорила я, – а, на мой взгляд, ничего хорошего от этой находки ждать не приходится.

– Согласна, – как-то обреченно откликнулась Марина.

Мы помолчали.

Так на моих глазах обнаружилось то, из-за чего Марину позже, уже через день, ждало обвинение, пусть еще не официальное, но повлекшее за собой ее задержание, впрочем, что же это я забегаю вперед? И этот-то день еще не кончился, хотя дальнейшие события развивались не так стремительно.

Еще некоторое время мы с Мариной сидели молча, затем она, видимо, что-то вспомнив, сделала рукой какое-то нетерпеливое движение, и я посмотрела на нее. Маринино лицо разгорелось, она прищурила глаза и, отвечая на мой невысказанный вопрос, заговорила:

– Ира, я, кажется, знаю, откуда этот пузырек.

– Знаешь? – переспросила я.

– Да, вчера, после того, как я вернулась, подбросив тебя на работу, ко мне приходил мужчина. Он представился сотрудником Газэнерго и попросил разрешения посмотреть трубы

на кухне. Я видела его документы, он мне показал какое-то удостоверение, но, к сожалению, я не очень-то внимательно его рассмотрела... Так вот, – продолжила она, – он был на кухне минут пять, а я как раз в ванной, кое-что достирывала...

«Скорее всего, – подумала я, словосочетание «кое-что достирывала» означало, что она просто вынимала белье из машины-автомата, но это не меняет дела. Незнакомый мужчина был на ее кухне, и этого оказалось достаточно».

– А потом? – поинтересовалась я.

– Что – потом? Я заглянула, он что-то там у плиты делал, а потом, поблагодарив меня, вышел, сказал, что все нормально, что это плановая проверка. И все.

– Хорошо, если ты не рассмотрела его документы, то хотя бы как он выглядел, помнишь?

– Ну, как выглядел? – Марина пожала плечами. – Я бы сказала, что выглядел он очень обычно. На нем был синий спецкомбинезон, волосы темные, в очках, роста... довольно высокого... Лет так тридцать с небольшим, ну, это чисто внешнее впечатление.

– Да уж, не богато... – проговорила я.

– Да уж, – отозвалась Марина. – Но если это не он, тогда я вообще не знаю, откуда этот пузырек. Но зато уверена, что мне его подбросили, а менты точно были о нем предупреждены!

– Это так, – согласилась я, – но пока мы не знаем, что в

нем, мы не знаем, кому это могло понадобиться. И потом... Ты говоришь, сотрудник Газэнерго? – Марина кивнула. – Если это действительно плановый обход, то он должен был побывать у всех жильцов, верно?

– Ну, наверное, ты права...

– Сейчас, подожди, – Я встала и решительно направилась к выходу.

– Ира, ты куда? – услышала я вслед.

– Пойду удостоверюсь, что он был действительно сотрудником Газэнерго, – ответила я, открывая входную дверь.

Первым делом я позвонила соседу слева, тому самому, что был вместе со мной понятым. Он открыл дверь не сразу, похоже, снова завалился спать, а когда открыл, то, помигав заспанными глазками, спросил:

– Что-нибудь еще?

– Да, – ответила я, – один вопрос. У вас вчера был сотрудник Газэнерго? Примерно с десяти до одиннадцати часов утра?

– Вчера? – Толстопузик почесал плешинку. – Да, вроде кто-то приходил, позвонил, да только я не стал открывать, так, сквозь сон слышал. У меня ведь ночная работа, так что днем я обычно сплю. Это сегодня что-то не очень спалось, так я звонок милиционера услышал, подумал, ну, пойду посмотрю, кто там второй день названивает. А насчет вчерашнего... Насчет вчерашнего только могу сказать, что кто-то звонил в дверь, и все...

– Спасибо, – поблагодарила я. – Это все. Можете идти спать дальше.

Мужик хмыкнул, посмотрел на меня еще несколько мгновений и, только когда я взялась за ручку Марининой двери, захлопнул свою. Я немного постояла, а затем все же решила проверить, как обстоит дело у соседей справа. На мой требовательный звонок дверь открыла девушка лет восемнадцати, довольно сублильная и рыжеволосая, одетая в облегающие коротенькие шортики и крохотную маечку-топ.

– Что вам? – Она с минуту всматривалась в мое лицо, а потом, видимо, узнала. – Ой! Вы, Ирина Анатольевна?

– Да, я, – ответила я.

– А что? Что такое? Неужели вы...

Возможно, она ожидала, что я пришла с тем, чтобы просить ее стать героиней моей следующей передачи, но мне пришлось девицу разочаровать:

– У нас тут небольшое чепе, вы не могли бы нам помочь?

– Всегда пожалуйста, – разулыбалась девушка.

– Вы вчера утром были дома? Не подскажете, был ли у вас сотрудник Газэнерго с плановой проверкой?

– Вчера? – Она вскинула неестественно тонкие брови. – Да, был, такой вежливый мужчина. Это было где-то в половине одиннадцатого, он пришел, покопался несколько минут на кухне и ушел, сказав, что все в порядке. А что, – расширила она зеленые глаза, – что-то случилось?

– Да, это переодетая женщина, за которой мы давно охо-

тимся и пытаемся заполучить ее в нашу передачу, у нее, видите ли, такое вот довольно забавное хобби – переодеваться в сотрудников Газэнерго и обходить дома, а нам, сами понимаете, очень интересно узнать, зачем она это делает, – бездарно и без энтузиазма соврала я.

– Ой! – воскликнула девица. – Неужели это женщина? А с виду и не скажешь! Ну и ну! Такой воспитанный мужчина, в очках...

Не знаю, возможно, она еще что-нибудь сказала бы мне по этому поводу, но только как-то не было у меня желания общаться с этой милой девушкой и дальше; я поблагодарила ее за помощь и решила спуститься на свой этаж: так, на всякий случай узнать, действительно ли этот «сотрудник» побывал во всем подъезде?

Я спустилась вниз и позвонила в дверь своей соседки, Марьи Ивановны. Из-за двери меня сначала спросили, кто там, а потом только, услышав, кто именно, дверь открылась, и я увидела благодушно улыбающееся лицо старушки.

– Доброе утро, Ириночка, – проворковала она. – Что-то случилось?

– Нет, Марья Ивановна, – вежливо ответила я. – ничего, я просто хотела узнать у вас кое-что...

– Да, что? – встрепенулась старушка, как и всем старушкам, ей до крайности нравилось, когда у нее что-то хотели узнать. – Да ты проходи, проходи, что же в дверях-то разговаривать?

– Спасибо, я ненадолго, – сказала я, но все-таки прошла.

– Вот, Марья Ивановна, – начала я, – говорят, вчера у нас в доме был плановый осмотр? Сотрудник Газэнерго приходил? А меня не было дома.

– Да-да, голубушка, был такой, – кивнула Марья Ивановна. – Почитай, у всех в нашем подъезде был, ну, из тех, кого дома застал, конечно. Мы еще вчера с соседками удивились, ведь день-то рабочий, да и время, больно-то уж неурочное, одиннадцать часов дня. Это ж больше половины народу на работе, а им вдруг осмотр приспичил, да еще плановый! Я ему даже сказала давеча об этом, а он мне ответил, что, мол, ведь и у них день такой же рабочий, как и у остальных. Но обещал, что на следующей неделе, может, снова придет.

– Вот как... – пробормотала я, подумав, что надо было сразу идти к Марье Ивановне.

– Да, – кивнула она седовласой стриженной головой. – Да ты не расстраивайся, Ириночка, – проговорила она, заметив мое явное разочарование. – Или у тебя что с плитой случилось?

– Да нет, пока вроде ничего, – ответила я.

– Ну, так и не расстраивайся. А то, если хочешь, сходи в наш ЖЭК, скажи, чтоб явились к тебе, посмотрели персонально.

– Спасибо, Марья Ивановна, я, пожалуй, пойду, – сказала я. – Так вы говорите, у всех был?

– Да, заходил-то ко всем, да вот только дома-то не все бы-

ли. Он и к тебе звонил, но вы-то с Володькой уже давно на работе были, надо полагать?

– Да, на работе, – откликнулась я. – Ну, ладно, спасибо, я пойду.

– Счастливо, Иринушка, счастливо, – попрощалась со мной соседка, и я вышла из ее квартиры.

«Так, – подумала я, поднимаясь к Марине, – выходит, сотрудник и правда был, значит, откуда бы этот пузырек ни появился, вряд ли в этом виноват рядовой служащий Газэнерго, по чистой случайности устроивший плановый осмотр накануне смерти Игоря Смеловского». Я поднялась к Марине и сообщила ей все. Она, выслушав, немного побледнела.

– Знаешь, Ира, я вот тут подумала, что толку голову ломать над тем, откуда этот пузырек взялся и что в нем, все равно мы не знаем. Вот когда узнаем, тогда и будем думать, откуда он мог взяться. В понедельник похороны, мне только что звонили из морга. Сказали, что если хочу, то могу его в воскресенье забрать домой, а если не хочу... Я не хочу, – дрогнувшим голосом сказала она. – Не могу себе представить, что он тут будет... – Марина сглотнула комок и продолжила: – Тетка его звонила, сказала, что не подпустит меня к нему даже проститься. А я все равно пойду!

– А вскрытие уже было? – спросила я.

– Да, было...

– Ну и что врачи говорят? Отчего он умер?

– А они ничего не говорят! Сказали, чтобы в понедельник

я приехала утром, у них там вопросы какие-то или что-то в этом роде... Я толком, честно признаться, и не поняла.

– Ладно, в понедельник выяснишь.

– Да уж, – пробормотала Марина.

В дверь снова позвонили, и на этот раз это оказались Игоревы друзья. Едва они вошли в комнату – человека четыре, – я предпочла ретироваться.

Дальнейшие события этих выходных мало что могут прибавить к рассказываемой мной истории, а потому я их, наверное, пропущу. Скажу лишь только, что я готовилась к предстоящему отпуску, Марина готовилась к похоронам, тетка продолжала терроризировать Марину, друзья выражали ей сочувствие, а муж подозрительно за мной наблюдал: видимо, опасался, что я все-таки, каким-то фантастическим образом, найду способ вляпаться в это дело. Впрочем, пока вроде и вляпываться-то было не во что. Ни о результатах экспертизы, ни о результатах самого вскрытия мы пока ничего не знали.

Эти два дня заполнились неспешными делами, они были такими тихими, что невольно напоминали затишье перед грозой, и чем ближе становился понедельник, тем сильнее так казалось.

Утром в понедельник Марина должна была поехать в морг. И вот тут-то все и началось.

Марина должна была явиться туда в девять утра, хотя похороны были назначены только на два часа дня. Меня это

обстоятельство несколько встревожило. Но у меня и у самой оставались дела на работе, а потому, побывав у своей новой подруги накануне, я с утра отправилась на работу, чтобы продолжать готовить кассеты с записью передач, планируемых даваться в повторе. Так что о том, что именно выяснилось при вскрытии, я узнала гораздо позже, только в пять вечера, когда, возвращаясь с работы и попрощавшись с моими коллегами на месяц, я решила зайти к Марине.

Она открыла мне дверь тотчас, и я сразу поняла, что стряслось что-то из ряда вон выходящее.

– Привет, – сказала я. – Что случилось?

– Проходи, – как-то не совсем естественным голосом пригласила Марина.

– Марина, – нахмурилась я, пройдя в комнату, – да что с тобой? Что, тетка что-нибудь на похоронах отчебучила?

– И тетка тоже, – вздохнула Марина. Она достала пачку «Voog» и, выудив из нее тонкую сигаретку, прикурила.

– Я и не знала, что ты куришь, – заметила я, подозрительно глядя на Марину.

– Редко, – виновато произнесла она.

– Марина, да что с тобой? Давай, расскажи, в чем дело! И тебе полегче станет, да и я, может, немного успокоюсь.

– Это вряд ли, – невесело усмехнулась Марина, испытывая мое терпение.

– По крайней мере, я точно буду знать, почему ты такая, – нетерпеливо подгоняла я.

Марина, не докурив и до половины, затушила сигарету и, вздохнув, глянула на меня, потом отвела глаза и наконец заговорила:

– Начну с утра. В девять я приехала в морг, и тут выяснилось, что, конечно же, Игорь умер вовсе не от инфаркта, а, как показало вскрытие и экспертиза, он был отравлен...

– Да ты что? – ахнула я. Конечно, я предполагала что-то подобное, но все равно слышать это было не так уж приятно.

– Представь себе, – горько подтвердила Марина. – Оказывается, отравили его каким-то ядом, который вообще никаких следов в организме человека не оставляет, но эти, как их... симптомы, очень смахивают на сердечный приступ. Понимаешь? – взглянула она на меня.

– Да, – кивнула я. Хоть Марина и не очень ясно выражала свои мысли, но я тут же поняла, о каких симптомах идет речь. – Подожди, – засомневалась я, – если этот самый яд никаких следов в организме не оставляет, откуда же они взяли, что Игорь был отравлен?

– Из пузырька, – уныло ответила Марина.

– Да ты что?! – воскликнула я. – Из того самого?

– Из него... – нехотя подтвердила она.

– Ну и дела... – пробормотала я, не зная, что говорят в подобных случаях.

– Так что теперь я получаюсь главной подозреваемой, – обреченно добавила Марина немного погодя.

– Но если ты – главная подозреваемая, – недоумевала я, –

то, извини, почему ты дома?

– Я дала подписку о невыезде, а также обещала, что явлюсь в отделение завтра в восемь ноль-ноль.

– А что, теперь такое возможно? – удивилась я.

– Возможно, – хмыкнула Марина, – правда, не бесплатно.

Я должна была поехать на похороны...

– Так ты там была? – осторожно спросила я.

Марина кивнула в ответ.

– И что, как себя вела тетушка?

– Лучше не спрашивай, мне было так стыдно. – Марина вздохнула. – Хорошо, что я успела попрощаться с Игорем раньше...

– Ну, так, значит, в пузырьке был обнаружен яд. – Я решила, что это сейчас более безопасная тема. Марина опять кивнула. – Хорошо, но каким образом им удалось установить, что именно этим ядом Игоря и отравили?

– Ира, ну откуда я знаю? – воскликнула Марина. Я помолчала, а она предположила:

– Наверное, они сделали анализ и узнали, что именно этот яд не оставляет следов в организме... Как же еще?

– Да, но с чего они решили, что именно ты его отравила? Я чего-то недопонимаю...

– Дело в том, как мне сказали, – со вздохом принялась объяснять Марина, – что этим ядом можно воспользоваться только вместе с едой, понимаешь? То есть Игорю это подлили в какое-то блюдо. Причем, насколько я поняла, сделано

это было за сутки до его смерти, не раньше.

– Это значит, что в последние сутки своей жизни он и был кем-то отравлен?

– Да, точнее врачи ничего сказать не могут, ну, там, отравили его за два часа до смерти или за двадцать два. Тут, сказали, все зависит от дозы... И так нагло спрашивают меня, какую дозу вы ему подмешали?.. Со мной чуть истерика не случилась. Но это еще не все, – вздохнув, произнесла Марина. – Тетка закатила такой скандал, что я сбежала с кладбища. Она заявила, что я убийца, ну и так далее.

– Марина... – осторожно проговорила я, – все равно не понимаю, почему тебя не задержали... Они ведь обязаны...

– Говорю же, я им заплатила. И потом, я позвонила одному другу Игоря, прочие-то вряд ли после сегодняшнего станут со мной общаться, а Степан, он хороший, главное, он мне верит, что это не я... – Она пристально посмотрела на меня. – Ира, а ты мне веришь? Скажи...

– Не вопрос, – покачала я головой. – Конечно, верю.

– Хорошо, – вздохнула Марина. – Значит, я смогу на тебя рассчитывать, если что?

– Безусловно, – подтвердила я и пожала Марине руку.

– Вот, только ты и Степка у меня и остались... – Марина невесело улыбнулась. – Он адвокат, он и помог до завтрашнего дня получить отгул и пообещал, что потом вытащит меня под залог – до суда, если он, конечно, состоится. И вот тут, Ира, – глаза у Марины как-то странно заблестели, – у меня

к тебе есть одна просьба, если... Если ты, конечно, веришь в то, что я Игоря не травила... – Марина, – покачала я головой, – ты что, хочешь, чтобы я родной матерью поклялась?

– Нет-нет, – слегка испуганно произнесла Марина. – Ира, – набралась она духу, – ты не могла бы встретиться с теткой? Я знаю, что накануне, в четверг, Игорь обедал с ней и ее дочерью в «Прометее». Знаешь, где это? – Я кивнула. – Вот, обед был, кажется, в два часа дня. Это не к тому, что я ее подозреваю, а к тому, что если не я, то кто-то же его отравил. И этот кто-то с ним обедал...

– Что ж, я могла бы, – после некоторого размышления ответила я.

– Правда? Значит, ты мне правда веришь? – Глаза у Марины заблестели ярче. Я снова кивнула в подтверждение, и Марина буквально кинулась мне на шею.

– Марин, но я ведь только пообещала встретиться с теткой... – несколько растерявшись от такого бурного проявления чувств, пробормотала я.

– Нет, не только, – откликнулась Марина, отстраняясь от меня, – ты дала мне почувствовать, что веришь в меня... а это для меня сейчас очень важно...

– Ну, хорошо. – Я вздохнула, похлопав ее по руке. – Телефон у меня есть, но встречусь я с ней только завтра, хорошо?

– Конечно, – легко согласилась Марина. – Надеюсь, что тебе она не откажет, ты ведь местная знаменитость. – она улыбнулась.

– Да, но мне кажется, – добавила я задумчиво, – тебе все же следует поделиться своими соображениями и с милицией...

– Какими? – улыbnулась Марина. – Тем, что ты – местная знаменитость?

– Нет, – я не отреагировала на шутку, – тем, что тетя Игоря сама может иметь непосредственное отношение к его отравлению, чем, возможно, и вызвана ее бурная реакция и желание все свалить на тебя.

– Хорошо, может, я им это и скажу, – проговорила Марина, – но только сначала посоветуюсь со Степкой.

– А ты ему доверяешь?

– Как тебе!

– Отлично, – усмехнулась я.

Мы еще немного посидели, а потом я вернулась к себе. Было над чем призадуматься... Когда вернулся муж, я отчего-то почувствовала себя несколько виноватой, хотя разве согласие встретиться с тетушкой и составить о ней определенное мнение может быть классифицировано как вмешательство в это запутанное дело? Мне казалось, ничуть не бывало, но вот мужу говорить о предстоящей встрече и об обещании Марине я почему-то не решилась. Неужели я все-таки уже влезла в это дело? Нет, не может этого быть!

Глава 4

Как бы там ни было, но обещание свое я намерена была исполнить, хотя, конечно, положив руку на сердце, плохо себе представляла, чем именно могу помочь Марине. Ну, встречу я с Евгенией Александровной Пряжниковой и ее дочерью Натальей, и что? При чем здесь мое мнение об этих достойных особах и как оно может повлиять на обвинение Марины, буде такое вынесено в ближайшие семьдесят два часа? Я что, сыщик? Никак нет. Так в чем же дело? Почему я все же согласилась встретиться с этими дамами? Из каких таких соображений?

Примерно так я размышляла, уже лежа в постели и слушая мерное посапывание мужа под боком. Почему же я все-таки решила встретиться с Пряжниковыми? Уж явно не только потому, что мне было жаль Марину. И даже не потому, что мне действительно очень хотелось ей помочь. Так почему же? Ответ был прост и буквально лежал на поверхности, другое дело, что я упрямо не желала *это* принимать за единственно правильный ответ, за аргумент, перевешивающий все прочие. А ведь дело было в том, что мне *хотелось* вмешаться в это дело. Да, я с радостью, которую ощутила где-то внутри, выслушала Маринину просьбу и сразу согласилась, правда, не сразу дала свое согласие. Приходилось признаться, что все-таки всеми этими расследованиями я,

журналистка Ирина Лебедева, занимаюсь из любви к искусству. Есть, должно быть, у меня в характере какая-то жилка, которая не позволяет пройти мимо загадочных преступлений, да еще таких, которым я становлюсь невольной свидетельницей. Благо, замечу в скобках, на подобные экзерсисы моя судьба довольно щедра. Так почему же я все время пытаюсь найти оправдание своему вмешательству во все эти дела и почему никак, проявляя незаурядное упрямство, не желаю признавать, что на самом-то деле все гораздо проще. Так просто, как название одного голливудского фильма. Я просто люблю подобные неприятности.

Конечно, звучит это как-то не слишком убедительно. Разве может нормальный человек любить обилие загадочных происшествий, так и норовящих случиться именно тогда, когда он находится в непосредственной близости от них. Или, например, наличие трупов вокруг своего детища, своей телепередачи «Женское счастье»? Да, должно быть, «люблю» – это слишком сильное выражение. Но разве не любят свою профессию сыщики, разве не любили они ее и в прежние века, начиная с классиков и заканчивая авангардом? Мне-то всегда казалось, что сыщиком становится только тот, у кого в крови имеется в наличии некая загадочная субстанция, невидимая взгляду и даже оку микроскопа и не выявляемая ни при каких анализах. Но эта-то субстанция и не дает человеку покоя, заставляет, принуждает его вмешиваться в любого рода происшествия, к которым у него имеется хоть ма-

ломальская тяга. Поэтому-то так много сыщиков-любителей экстра-класса и класса пониже. Я, конечно, застряла где-то в последних рядах этой блестящей когорты, но должна же я в конце концов признаться хотя бы самой себе в том, что не могу не вмешаться в какое-то происшествие, да еще если оно и загадочное! Ну не могу – да и не хочу, чего уж там! – я сидеть сложа руки, когда вокруг происходит *такое!* Возможно, я только с виду респектабельная дама, а на самом деле...

Я закрыла глаза и представила, что я сыщик. У меня есть свой маленький офис и свои клиенты, и ношу я брючные костюмы неярких расцветок и вообще стараюсь не бросаться в глаза, не запоминаться... До поры до времени, конечно. И что дела у меня раскрываются чуть ли не сами собой... «Нет, стоп, – сказала я тут себе, – так не пойдет. Почему это «сами собой?», никак не сами. Я прилагаю усилия, проявляю чудеса наблюдательности и сообразительности, и только благодаря мне, Ирине Лебедевой, раскрываются мрачные преступления, над которыми без толку бьются родные следственные органы! И если бы меня не было, то меня бы просто следовало придумать!»

Так, в приступе мании величия, видя себя таким Шерлоком Холмсом и еще многими гениальными сыщиками, я уснула. Излишне добавлять, что мне снилось, как я одно за другим, словно орешки щелкаю, раскрываю самые загадочные из самых загадочных убийств, и как за это Президент вручает мне в итоге огромную золотую медаль за заслуги пе-

ред Отечеством самой высокой степени, и как я обещаю служить Родине и давить гадов, как клопов...

– Ира, – прошептал муж тихонько, щекоча дыханием, мне в ухо, – Ира, я пошел. Буду в восемь, – и чмокнул меня в нос.

Я пробормотала нечто нечленораздельное, видимо, должное выразить, что я буду скучать и ждать и чтобы он не задерживался. И перевернулась на другой бок в надежде досмотреть прерванный на такой торжественной ноте сон, но, как это слишком часто бывает с такими капризными вещами, как сны, у меня ничего не получилось. Образ Президента, декорации Грановитой палаты и я сама в строгом, по случаю официального приема, костюме, с медалью на пузе, безвозвратно исчезли, оставив после себя лишь легкий дымок воспоминаний и жутко приятное, хотя, конечно, и несколько абсурдное впечатление.

Я еще немного повалилась, стараясь вспомнить приятные подробности прерванного сна, а потом все-таки встала и пошла на кухню. Налив себе кофе, села у окна. Конечно, сон был всего лишь сном и я вовсе не гениальный сыщик, да и не сыщик вовсе. Но все равно то, что я путем самоанализа узнала о себе вчера вечером, до того, как уснуть, меня несколько успокоило. Что ж, если я и в самом деле не могу обойтись без неприятностей и участия в них, то, может, пора уже смириться с таким положением вещей. Может, это судьба у меня такая?.. И какой смысл в таком случае испытывать приступы вины, особенно в общении с моим дорогим супругом, если

я хочу вмешиваться в эти происшествия и все равно изыскиваю для этого способ? Он может дуться сколько угодно и восклицать в негодовании: «Что, опять?! Ничего не желаю слышать!», но ему придется смириться с таким положением вещей. Пусть считает пристрастие к дилетантским расследованиям еще одним моим недостатком. Впрочем, насколько я знаю, супруг полагает, что у меня нет недостатков. Что ж, тем лучше, будет хотя бы один. А кстати, следует выяснить, на самом ли деле он считает, что недостатков у меня нет?

В любом случае лично для себя я нашла прекрасные и важные аргументы, которые помогут мне и впредь не краснеть и не оправдываться всякий раз, когда в моей жизни или на моей передаче случится нечто экстраординарное. Я люблю докапываться до истины, так же как люблю свою передачу и своего мужа. А если он скажет, что все это только потому, что мне нечем заняться на досуге, то я знаю, что сказать ему в ответ. «Возможно, – скажу я, – если бы у нас появились детишки, у меня и правда не осталось бы времени на это». А дальше пусть уж он сам думает и решает.

Придя к такому выводу, я улыбнулась и, сладко потянувшись, направилась в ванную.

Евгении Александровне я позвонила в одиннадцать.

– Да? – Трубку взяла сама тетушка.

– Здравствуйте, это снова вас беспокоит Ирина Лебедева с телевидения, – скромненько представилась я.

– А, это вы? – Я не поняла многозначительности в голосе

моей собеседницы.

– Да, это снова я, – подтвердила я, не зная, что же хочет от меня услышать эта дама, и не желая ее разочаровывать.

– Что ж, хорошо, что вы позвонили, – благосклонно на сей раз заметила она, чем, скажу откровенно, несколько удивила меня. – Я как раз думала, кому бы из ваших позвонить... – протянула она. – Я хочу дать интервью.

– С удовольствием, – согласилась я, скорее по инерции хотя вообще-то это была не моя сфера.

– Вот как? Значит, вы позвонили тоже по этому поводу? – поинтересовалась Пряжникова.

– Так точно, – отрапортовала я.

– Отлично, – удовлетворенно заметила она. – Сегодня вы сможете подъехать?

– Да, безусловно. – Я тут же прикинула, что, наверное, следует подключить к этому делу Валерия Гурьева, вдруг он заинтересуется. – Во сколько и куда?

– Можно встретиться у меня, скажем, часа в два дня. Вас устроит?

– Безусловно, – снова согласилась я. – Надеюсь, тема будет касаться вашего племянника? – на всякий случай поинтересовалась я, чтобы задать правильный тон предстоящей беседе.

– Точно, я хочу поговорить о том, что случилось с Игорем, – откликнулась дама на другом конце провода.

– Хорошо, – сказала я. – Вы не будете против, если со

мной, возможно, будет еще один человек. Он тоже тележурналист.

– Ни в коем случае, – заверила меня Евгения Александровна. – Приезжайте вместе.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Пока не за что, девушка, – чуть надменно произнесла Пряжникова. – Записывайте адрес...

Я записала адрес и, еще раз поблагодарив, положила трубку. Что ж, первый тайм мы, кажется, отыграли. Посмотрим, что будет дальше. Я позвонила на работу и попросила к телефону Гурьева.

– Гурьев у телефона, – через некоторое время откликнулся Валерий. – Это кто?

– В рифму не отвечу, – сказала я, – и не надейся.

– О, Ирочка, – узнал он меня с первой же попытки, – неужели? Какими судьбами?

– У меня к тебе дело, точнее, у меня к тебе есть одно предложение, если, конечно, оно тебя интересует.

– Ира, Ира, – многозначительно произнес Валерка, – неужели ты решилась? Ну, конечно, меня это очень даже заинтересовало...

– Не паясничай, – беззлобно огрызнулась я. – Того, на что ты намекаешь, тебе не видать никогда!

– А на что я намекаю? – прикинулся шлангом Валерка.

– Ладно, ни на что, – сдалась я. – Ты что-нибудь слышал о смерти в нашей студии в минувшую пятницу?

– Шутишь! – воскликнул Валерка. – Да об этом весь телецентр только и гудит! Поговаривают, будто дело нечисто?

– Вот именно, я в курсе некоторых подробностей и, если тебя это может заинтересовать...

– Когда и где встречаемся? – тут же принял охотничью стойку Гурьев.

– У телецентра в половине первого. Там я тебе и расскажу все, что знаю. Пока знаю. Если захочешь, поедешь со мной.

– И куда?

– В одно место, – усмехнулась я. – Подробности при встрече.

– Договорились, – согласился Валерка. – Пока, до половины первого. Встретимся в скверике, да?

– Да, конечно, – и я положила трубку.

Затем я приступила к сборам, решив, что Евгения Александровна наверняка относится к тому типу женщин, которые терпеть не могут яркие цвета и излишнее пользование косметикой – другими. Что же касается ее самой, то тут я пребывала в полном неведении, даже не в силах представить, как она выглядит. Возможно, это сухая и чопорная дама, а может, напротив, этакая мисс Гарпия, с великолепными формами времен Ренессанса. Однако я остановила свой выбор на скромном серо-голубом костюме с юбкой длиной чуть ниже колена и довольно закрытым жакетом. Что касается макияжа, то решила обойтись лишь тушью и бледной помадой, а волосы предпочла убрать в простую гладкую при-

чески. Посмотрела на себя в зеркало, надела туфли-лодочки на невысоких каблуках и, оставшись довольна своим внешним видом, отправилась на встречу с Гурьевым.

Правильно рассчитав время на дорогу, я ничуть не опоздала и прибыла на место встречи, в небольшой скверик неподалеку от телецентра, как раз в половине первого. Валерки еще не было. Я прошла пару раз туда-обратно и только тогда увидела его невысокую коренастую фигуру в другом конце скверика.

– Ну, ты опаздываешь, как девушка на свидание, – показала я головой, когда Валерка подошел ко мне. – Я жду тебя уже десять минут, а между тем ровно в два мне нужно быть в другом конце города.

– Извини, – смущенно проговорил Гурьев. – Обещаю, что на свою встречу ты в любом случае не опоздаешь.

– Вот как? – Я в удивлении подняла брови. – Неужели ты меня отвезешь?

– Угадала, – ухмыльнулся мой коллега по работе. – Кстати, мы прямо сейчас можем сесть в мою машину, и ты расскажешь по дороге, что там у тебя.

– Хорошо, – согласилась я. – Наверное, так и правда будет лучше.

– Тогда прошу. – Гурьев галантно предложил мне руку, выставленную крендельком.

Я усмехнулась и приняла его приглашение. Мы прошли к машине, и, сев в нее, я начала свой рассказ, предварив его

так:

– Полагаю, что мы успеем добраться до места, если проедем минут тридцать, а пока я расскажу тебе, куда все-таки направляюсь и почему решила позвонить тебе.

– Весь внимание! – сказал Валерка.

– В общем, дело в том, что этот самый Игорь Смеловский, который так неудачно скончался прямо во время эфира моей передачи, был отравлен.

– Я слышал кое-что на эту тему, – улыбнулся Гурьев. – Из своих источников. К тому же, насколько мне известно, он был довольно крупным бизнесменом, занимался пищевыми добавками.

– Да, это я тоже знаю, – вздохнула я. – Его смерть... все это очень странно... Вот, посмотри...

Валерка как никто другой всегда поддерживал меня в моих собственных расследованиях, и только перед ним мне никогда не приходилось оправдываться в том, что я снова лезу не в свое дело. Он и сам был не лишен этой авантюристской жилки и постоянно влезал в самые разные расследования. Вот и сейчас, стоило только мне сказать: «Вот, посмотри...», как он уже принял готовность номер один – закурил и прищурился, буквально превратившись в слух.

– Умирает Смеловский, – говорила я между тем. – Сначала констатируют смерть в результате сердечного приступа, но практически сразу выясняется, от чего. Его гражданская жена, его врач, его тетка – все они говорят о том, что сердце

у Смеловского было абсолютно здоровым. То, что по этому поводу возбудили дело, ничего удивительного, но вот его тетушка заявляет, что знает, кто его убил, что это не кто иной, как его гражданская жена, и даже говорит о мотиве – Игорь незадолго до своей кончины подписал завещание на имя Марины. Я не знаю, насколько была в это посвящена сама Марина, она-то, конечно, говорит, что не слышала об этом и не подозревала, но если она и имеет какое-нибудь отношение к смерти Игоря, то кому, как не ей, было знать, что номер с сердечным приступом не проканает?

– Логично, – согласился Валерка, – что дальше?

– А дальше все очень забавно, – усмехнулась я. – На следующий день после смерти Игоря к Марине приезжают двое в штатском и на глазах у понятых, на основании заявления тетушки покойного и какого-то таинственного телефонного звонка, проводят обыск на выявление вещдоков. Я при этом присутствовала, Валера, и могу тебе сказать, что они точно знали, где и что искать.

– И что же они нашли? – Валерка еще более заинтересовался.

– Они полезли в мусорное ведро и вытащили оттуда пустой пузырек, знаешь, такой, в котором всякие настойки продаются, из темного стекла. Изъяли эту штуку и провели экспертизу. Выяснилось, что остатки в этом пузырьке не что иное, как сильнодействующий яд, не оставляющий в организме человека никаких следов, но во время смерти вызы-

вающий симптомы, схожие с сердечным приступом. Понижаешь?

– Вполне, – кивнул мой приятель.

– Таким образом, Марина автоматически стала основным подозреваемым. Самое паршивое во всем этом то, что яд могли дать Игорю в любое время в течение последних суток вместе с едой.

– Зашибись! – присвистнул Валерка. – Тут тоже все довольно ловко обтяпано. Кто, как не жена, пусть даже гражданская, кормит мужа завтраком и, по крайней мере, ужином, так?

– В том-то и дело, – согласилась я. – Мне-то ясно, что девочку просто ловко подставили и доказать ее невиновность довольно сложно. Единственная несостыковка в том, что если бы это и в самом деле была она, то, по логике вещей, должна была бы придумать другой способ, чтобы не возникло подозрений относительно этого сердечного приступа.

– Да и вряд ли бы выкинула бутылек в мусорное ведро, – добавил Гурьев. – Скорее закинула бы куда-нибудь похозяйничать.

– Ну, да, – кивнула я. – И потом, они ведь точно знали, где и что искать, они даже никуда больше не заглянули.

– Да уж. – Валерка покачал головой. – А куда мы сейчас? Я так понимаю, ты решила восстановить справедливость? – с улыбкой спросил он.

– Возможно, – точно с такой же улыбкой ответила я. – И

потом, Марина меня очень просила. Мне ее до слез жаль, ее арестовали и вряд ли выпустят, ведь обвинение почти готово. А я не могу так, мне хочется хоть чем-то ей помочь. – Вздохнув, я покачала головой.

– Ясно, – проговорил Гурьев. – Так куда мы едем?

– К тетке, – ответила я. – Вчера мне Марина сказала, что накануне смерти, за день, он обедал с теткой и ее дочерью, то бишь своей двоюродной сестрой, в ресторане «Прометей».

– То есть ты хочешь попытаться...

– Да, – кивнула я. – Не представляю, как это сделать на практике, но надо попытаться.

– Ясно, – снова произнес Валерка. – А я чем могу помочь?

– Ну, не считая того, что доставишь меня на место, – усмехнулась я, – ты можешь поприсутствовать, если тебя, конечно, это интересует. Дама горит желанием дать интервью. Я прикинулась репортером, сказала, что, конечно, затем я ей и звоню, но... – Я вздохнула.

– Ладно, выручу, – великодушно согласился Гурьев. – К тому же, кто его знает, может, действительно стоит снять об этом сюжет? Как думаешь? Ведь наверняка у него были и недоброжелатели, скажем, в деловой сфере, которые просто могли не знать о том, что у парня такое на зависть здоровое сердце.

– Это идея, – сказала я. – Но прежде нужно узнать, может, он с кем-то из своих партнеров по бизнесу ел, как считаешь?

– Верно, – подхватил Валерка. – Впрочем, давай сначала

познакомимся с тетушкой.

– Тогда быстрее поехали, она нас ждет в два часа. – Я повторила адрес, и мы, как говорится, направились по нему.

К высотке, расположенной в одной из довольно отдаленных, хотя и весьма оживленных районов, мы подъехали без десяти минут два. Посидели немного в машине, а потом вошли в пятый подъезд, поднялись на седьмой этаж в лифте и позвонили в дверь крайней справа квартиры. Дверь открылась сразу же: такое ощущение, будто нас поджидали в двух шагах от нее.

Дама, открывшая дверь, не подтвердила никаких моих предположений по поводу своей персоны. Она отнюдь не была ни сухой, ни чопорной, как казалось, по крайней мере, с первого взгляда, но и не напоминала тетушку с полотен Рубенса. Дама была очень приятной внешности, высокая, хорошо сложенная, со следами былой красоты, причем со следами очень даже явными. В черных брюках и черной же блузе рубашечного покроя, брюнетка с зелеными глазами и аристократическими чертами лица, она приязненно улыбалась нам.

– Вы очень вовремя, проходите, – и открыла дверь пошире.

Мы оказались в уютной, хорошо обставленной гостиной и, следуя приглашающему жесту хозяйки, сели в кресла. Сама она опустилась на диван напротив и показала на столик, где стоял кофейник и три чашки, а также вазочка с печеньем.

– Разрешите представить, – немного церемонно произнесла я, – это мой коллега, журналист с телевидения Валерий Гурьев. – Валерка слегка поклонился.

– Очень приятно, – не без достоинства ответила Евгения Александровна. – Думаю, мне нет смысла представляться. – Она улыбнулась, а мы, как заведенные, закивали головами в ответ.

Пряжникова налила нам кофе и, слегка откинувшись на спинку дивана, первой заговорила о цели нашего визита:

– Я хотела бы поговорить о смерти моего племянника. – Лицо Евгении Александровны приняло скорбное выражение. – Конечно, для нас с Наташей, моей дочерью, это был удар, у нас ведь больше нет близких родственников. А Игорь, с тех пор как умерли его родители, стал мне как сын, часто навещал нас. У нас были замечательные отношения, и мы, можно сказать, даже были как одна семья, и семья довольно дружная. Конечно, с тех пор, как он занялся бизнесом, встречи случались не так часто. Все резко изменилось с появлением в его жизни этой актрисы. – Пряжникова не могла собой владеть и слегка дернула губой при одном воспоминании о Марине. – Вы ведь знаете, о ком я говорю? – Мы с Валеркой снова дружно кивнули в ответ. – Вот, с тех пор Игорь вовсе, можно сказать, нас забросил, стал редким гостем, и мы, конечно, сначала ревновали. Но все могло сложиться иначе, если бы его пассия повела себя по-другому. Если бы захотела стать членом нашей семьи, мы бы ни за

что ее не отринули, но она, напротив, прилагала все усилия, чтобы разъединять нас с племянником. И вот видите, что из этого получилось...

– Евгения Александровна, – произнесла я, уловив паузу, – а почему вы решили, что Марина Белогурова каким-то образом причастна к смерти вашего племянника?

– Ну, как же? – всплеснула руками дама. – Я же говорила вам о завещании!

– Да, но Марина говорит о том, что она о нем вообще ничего не знала, – попыталась я протестовать.

– А вы, что же, полагаете, что она так вам и признается в том, что, узнав об этих деньгах, решила отравить моего племянника? – Красивые ноздри нашей хозяйки раздувались от негодования.

– Но не кажется ли вам, – вмешался в разговор Валерий, – что в этом случае ей логичнее всего было бы избрать другой вариант? Ведь то, что у Игоря здоровое сердце, она знала. Так зачем ей было действовать, навлекая на себя подозрения?

– Вот это пускай и выяснят следователи, – холодно проговорила Пряжникова.

– Хорошо, – кивнула я. – А вы знаете о результатах вскрытия и... – Я хотела было сказать «экспертизы», но вовремя опомнилась: вовсе незачем было что-то подсказывать ей. – И что думаете по этому поводу? – поспешно добавила я.

– Конечно, я знаю о результатах вскрытия, – фыркнула

Евгения Александровна. – Я даже знаю, что... Марину, – ей, видимо, с трудом давалось даже произнести это имя, – сегодня взяли под арест, потому что на днях у нее в квартире нашли пузырек из-под яда.

– Да, это так, – согласилась я. – Но вы не думали о том, что пузырек ей могли подбросить?

– Кто? – вскинула свои идеальные брови Пряжникова. – Ну, помилуйте, кому в голову может прийти такое? Это только в американском кино кого-то подставляют, – усмехнулась она. – У нас же, как мне кажется, все еще действуют по старинке.

– Ошибаетесь, – вот все, что сказал на это Валерка, а я и вовсе промолчала, оставив без ответа такую многозначительную сентенцию. – Ладно, – между тем продолжал мой коллега, – если вы знаете, что на самом деле вашего племянника отравили, то вы, должно быть, знаете и то, что этот яд могли дать ему только вместе с едой?

– Конечно, – слегка пожала плечом Евгения Александровна, из чего мы заключили, что для нее это даже не вопрос и что себя, она, конечно, ни в коем случае не считает одной из возможных подозреваемых. – И что из этого следует? По моему, – добавила она, – это как раз и подтверждает, что никто, кроме нее, не смог бы такое проделать.

– Хорошо, – покачал головой Валерка, – а что, на ваш взгляд, совсем никто больше не может иметь отношения к смерти вашего племянника? Ну, там, деловые партне-

ры-недоброжелатели или кто-то, кого Игорь когда-то мог обидеть?

– О чем вы говорите, молодой человек! – воскликнула она. – Игорь был замечательным человеком! У него априори не было врагов!

– Хорошо, что вы в этом так уверены, – проговорила я. – А как часто вы встречались с Игорем последнее время? – Я постаралась разговорить даму на тему последнего свидания.

– Не часто, – вздохнула она. – Раз в месяц, наверное.

– И последний раз это было?.. – поинтересовалась я.

– В четверг, накануне того ужасного события. Мы вместе обедали, – она слегка улыбнулась, – в одном милом местечке. Ресторане «Прометей», знаете такой?

– Да, – подхватила я, – у них замечательная кухня.

– Верно, – кивнула она, посмотрев на меня довольно благосклонно. – Причем, несмотря на то, что ресторан в принципе не вегетарианский, они готовят на заказ и сугубо вегетарианские блюда.

– Вы вегетарианка? – спросила я.

– Я? Нет, – покачала головой Пряжникова. – Игорь был вегетарианцем.

– Понятно, – пробормотала я. – Скажите, а у вас есть какая-нибудь недавняя фотография, где вы запечатлены вместе с вашим племянником?

– Да, конечно. – Евгения Александровна встала, подошла к шкафу-стенке и, выдвинув ящичек, извлекла оттуда фото-

альбом. Порылась в нем немного и достала пару снимков, на которых было трое. – Вот, это мы фотографировались в мой день рождения, пару месяцев назад.

– Спасибо, – сказала я, – а вы не могли бы дать нам одну из них на время?

– Это зачем? – удивилась она.

– Ну, вы же понимаете, – вмешался Валерка, – наша сегодняшняя беседа – это так, разминка. Телевизионное интервью мы снимем, скажем, дня через три, как раз к следующему выпуску передачи. А пока нам, понимаете ли, нужно бы сделать анонс, такую небольшую заставочку, как раз в ней мы бы и показали эту фотографию, намекнув, что нас интересно будет посмотреть. Так делается всегда, когда хотят повысить рейтинг передачи.

– О, ну это я понимаю, – согласилась Евгения Александровна, – хорошо, пока возьмите, но верните.

– Обязательно, – заверила я. – Спасибо, что согласились с нами поговорить. – Я встала с кресла. – Мы позвоним вам, как только все будет готово для съемок.

– Да, – подхватил Гурьев, поднимаясь, – возможно, мы сделаем целую передачу на эту тему, но нам нужно поговорить и с другими людьми, знавшими вашего племянника. Не подскажете, к кому удобнее всего обратиться?

– Не знаю, – задумалась хозяйка, – если бы спросили меня о его друзьях пару лет назад, я бы точно знала, к кому, но последнее время... – Она покачала головой. – Боюсь, ничем

не смогу помочь, я практически не знаю, с кем он встречался, с кем дружил.

– Ну, хорошо, мы сами постараемся найти нужных людей, – заверил Гурьев.

Евгения Александровна проводила нас до дверей, попрощалась и сказала, что будет ждать нашего звонка. Мы пообещали еще раз, что обязательно перезвоним, и вошли в кабину лифта.

Глава 5

– Ну, что думаешь о тетушке? – спросила я Валерия.

– Знаешь, полагаю, – ответил он, – что вряд ли она имеет к этому какое-то отношение. Иначе зачем бы ей говорить о том, что они вместе обедали? Тем более – нам? Мы ведь не из милиции, могли и не узнать.

– Да, но все равно у нее мог быть мотив, – проговорила я задумчиво, выходя из лифта.

– Мотив? – удивился Валерка. – Шутишь? Какой у нее был мотив травить собственного племянника, в котором она, похоже, души не чаяла?

– Ну, во-первых, – произнесла я, садясь в машину, – то самое завещание. Ведь, если бы не Марина, как я понимаю, все деньги достались бы ей с доченькой. А во-вторых, она так не переносит Марину, что вполне могла ее подставить, подбросив ей тот самый пузырек.

– И для того, чтобы поквитаться с Мариной, она отравила своего племянника? – усмехнулся Валера, заводя машину. – Ира, ты перебарщиваешь. Она, по-моему, хотела только одного, чтобы все стало как раньше, чтобы драгоценный Игорек проводил с ней по-прежнему много времени, и травить его... Извини, но не верю.

– Сейчас она может говорить все, что угодно, об их отношениях, – заметила я. – Игорь мертв, и никто не может те-

перь сказать точно, были ли они такой уж дружной семьей, как она нам только что рассказывала.

Валера внимательно посмотрел на меня и качнул головой.

– И, кстати, – добавила я, извлекая добытую фотографию из сумочки, – насчет ресторана нам тоже не мешало бы проверить.

– Да, кстати, – спросил Гурьев, – зачем ты фотку у нее выцыганила?

– Ты знаешь, где находится «Прометей»? – вместо ответа спросила я. Валерий кивнул. – Давай-ка заедем туда на минутку.

Он усмехнулся, похоже, поняв, что я намерена сделать, и свернул налево. А я посмотрела на фотографию: Игорь сидел в окружении своих родственниц. Кстати, замечу, что и дочь у Евгении Александровны тоже была очень хороша собой и удивительно похожа на мать.

Мы подъехали к ресторану, припарковались неподалеку и направились внутрь.

– У меня тут знакомый бармен, – сообщил Валерка, открывая передо мной дверь.

– Очень кстати, – заметила я, входя в зал.

Мы подошли к стойке, Валерий кивнул высокому шатену, и тот подошел к нам. Мужчины обменялись рукопожатием.

– Знакомься, – сказал мне Гурьев, – это Юрий Щеглов, мой приятель. А это...

– Представлять не стоит, – с улыбкой перебил Юрий, –

моя мама просто обожает вашу передачу, госпожа Лебедева.

– Спасибо, – улыбнулась я в ответ.

– Что-нибудь выпьете? – поинтересовался бармен.

– Минералки, – ответила я.

– И мне, – согласился Валерий.

Пока Юрий нас обслуживал, я передала Валере фото и оглядела полупустой зал. Конечно, сейчас было уже слишком поздно для обеда и слишком рано для ужина, а потому в довольно просторном зале народу было человек шесть, не больше. Впрочем, здесь был не только общий зал, но и пять кабинок для частных, так сказать, встреч.

– Юра, – между тем произнес Валерий, когда бармен принес нам минералки, – у нас к тебе просьба. Ты не мог бы сказать, кто из ваших ребят работал в четверг?

– На той неделе? – уточнил Юрий.

– Да, на той неделе, – подтвердил Гурьев.

– Я, например, – улыбнулся бармен.

– Хорошо, тогда, может, ты нам и поможешь. – Валерий протянул приятелю фотографию. – Скажи, ты не помнишь эту тройцу?

Бармен внимательно изучал снимок.

– Таких красавиц трудно не запомнить, – сказал он наконец, – к тому же они довольно часто к нам заглядывают.

– Отлично, – обрадовался Валерка, – а в четверг?

– Я помню только, что они занимали угловую кабинку, вон ту, – он кивнул в сторону кабинок, – слева. Их обслуживал

Витька, но сегодня не его смена. А что?

– Да так, кое-что проверяем, – улыбнулся Валерий. – Я тебе потом подробности расскажу. Значит, Витя?

– Да, – кивнул в ответ бармен.

– А вы не могли бы припомнить, не выходил ли этот мужчина из кабинки во время обеда?

– Мужчина? – Бармен нахмурился. – Нет, мужчина не выходил, выходила дама. Та, что старше.

– Вы уверены? – уточнила я.

– Обижаеть, – укорил Валерка, – у Юрия отличная память.

– К тому же четверг был последним днем моей смены, – добавил Юрий. – А потом я три дня отдыхал, так что не видел никаких клиентов и вряд ли мог спутать. Да к тому же в четверг нам давали зарплату, а вечером я водил в кино свою подругу и прекрасно помню, госпожа Лебедева, что было в тот день.

– Значит, вы уверены в своих словах, – улыбнулась я. – Что ж, рада, что вы нам помогли. Спасибо. – Я поднялась со стула.

Валерий заплатил за минералку, еще о чем-то поговорил с Юрием, и мы вышли из ресторана.

– Ну, как? – ехидненько осведомился Игорь, усаживаясь в машину. – Проверила?

– Да, вполне, – усмехнулась я. – То, что у твоего друга такая потрясающая память, впечатляет.

– Спасибо, – хмыкнул Гурьев. – Но ты зря иронизируешь, у Юрки и правда отменная память, и я сам лично не раз в этом убеждался. Тебя домой?

– Да, – сказала я, и мы поехали по направлению к моему дому.

– Что будем делать дальше? – поинтересовался Валерка тогда, когда мы оказались уже в моем дворе.

– Ну, если Игорь не выходил из кабинки, то мне представляется маловероятным, что его могли отравить у него же на глазах, – сказала я со вздохом. – Но твоя идея с деловыми партнерами мне нравится.

– Отлично, – улыбнулся Валерий. – Значит, проверим, что там?

– Значит, – согласилась я. – Слушай, а из нас могла бы получиться неплохая команда, – заметила я. – У меня предложение, ты проверь, кто там у него ближайший компаньон или что-то в этом роде, а я со своей стороны тоже навещу его завтра. Потом сверим результаты.

– Тебе нужно досье, напарник? – поинтересовался Валерка.

– Ты проницателен, как никогда, – произнесла я, выходя из машины. – Пока, завтра созвонимся.

– Договорились, пока, – сказал Гурьев.

Я захлопнула дверцу машины и пошла к своему подъезду. Дома, переодевшись, я пошла на кухню готовить ужин своему мужу, который должен был вернуться через пару ча-

сов. Мне хотелось его чем-нибудь побаловать, да к тому же я понимала, что скоро мне придется ему все-таки рассказать о том, что я опять ввязалась в расследование очередного загадочного преступления, и прежде чем это сделать, я готовила почву. Поэтому и решила сегодня сообразить, как говорила моя бабушка, комплексный ужин, состоящий из первого – супа-харчо, второго – тушеных баклажан с картофелем, и третьего – замечательных медовых печений, которые так обожают мой муж и которые я, увы, пеку не так часто, как ему того хотелось бы.

Порывшись в холодильнике и убедившись, что мне для приготовления требуемых блюд всего хватает, я, подвязавшись фартуком и включив магнитофон с кассетой моего любимого Лючано Паваротти, принялась за ужин...

Через полтора часа, проведенных у «мартена», мой сюрприз мужу был практически готов, оставалось только поставить в духовку последний противень с печеньем, а также дать супу немного потомиться на слабом огне. Едва я вынула из духового шкафа первую порцию ароматных, румяных печений, как зазвонил телефон. От неожиданности я едва не выронила вынутый противень, ругнулась, поставила его на плиту, быстренько засунула в духовку другой и только после этого подошла к телефону.

– Да, – сказала я, немного досадуя на неурочный звонок.

– Ирина Анатольевна? – услышала я в трубке незнакомый, но приятный молодой мужской голос.

– Да, – подтвердила я, несколько удивившись. – Слушаю.

– Извините, пожалуйста, что беспокою, – проговорил незнакомец, – это Степан Антонов, адвокат Марины Белогуровой.

– А, здравствуйте, – сказала я. – Марина мне о вас рассказывала. Как ее дела?

– Ну как могут быть дела у человека, взятого под арест. Ей предъявили обвинение, но надеюсь, что завтра ее выпустят под залог. По крайней мере, я со своей стороны делаю все возможное.

– Что ж, она хотя бы будет дома, – обрадовалась я.

– Я вот по какому поводу звоню, – проговорил адвокат. – Марина сказала, что просила вас встретиться с Евгенией Александровной, тетей Игоря, полагая, что вы сможете что-то узнать. Уж не знаю, почему Марина так решила, – немного смущенно проговорил адвокат. – Но только она вам доверяет и почему-то считает, что вы можете ей реально помочь.

– Не знаю, честно говоря, смогу ли, – ответила я, дождавшись паузы в монологе Степана Антонова. – Но постараюсь сделать все, что от меня зависит. А с тетей я встречалась и, к сожалению, должна сказать, что... Вы ведь в курсе дела, да? – спросила я.

– Да, конечно, – откликнулся адвокат, – если вы имеете в виду, почему Марина именно вас просила о встрече с Евгенией Александровной.

– Так вот, – продолжала я, – должна сказать, что хоть са-

ма личность госпожи Пряжниковой и произвела на меня не самое лучшее впечатление, но я очень сомневаюсь, что она имеет какое-то отношение к обстоятельствам смерти своего племянника. Мы были в ресторане, где в минувший четверг обедала Пряжникова с дочерью и Игорь. Бармен, работавший в тот день, сказал, что занимали они отдельную кабинку и что во время обеда из-за стола выходила только Евгения Александровна. В связи с этим мне кажется довольно проблематично было подлить яду в тарелку Игоря у него же на глазах. Вот если бы выходил он...

– Я понял, что вы хотите сказать, – произнес адвокат. – Признаться, я тоже не очень верил в эту Маринину затею... – Он немного помолчал, а потом вдруг спросил: – А как часто Евгения Александровна бывает в этом ресторане? Ну, я хочу сказать, не могла ли она, именно выходя, заглянуть на кухню и...

– Ну, в этом я и вовсе сомневаюсь, – отвергла я версию адвоката. – Впрочем, можно, наверное, проверить. У моего коллеги в этом ресторане знакомые официанты, и думаю, что он сможет в этом помочь.

– Это хорошо, – произнес Степан. – Жаль только, что так трудно найти способ снять с Марины обвинение, улик слишком много.

– А вам-то не кажется, – поинтересовалась я, – что именно то обстоятельство, что улик более чем достаточно, больше всего и говорит в пользу Марины и подтверждает, что она не

имеет к убийству никакого отношения?

– Мне – говорит, – уныло согласился Степан Антонов. – Я тоже считаю, что если бы Марина была в этом замешана, то она ни за что не оставила бы пустой пузырек от яда у себя в квартире. И потом, она прекрасно знала о том, что у Игоря здоровое сердце, а значит, понимала, что диагноз его смерти – сердечный приступ – обязательно возбудит подозрение.

– Да, я тоже так считаю, – сказала я.

– Но, увы, – проговорил адвокат, – это мы с вами так считаем, а следствие полагает: раз у нее в доме найдена улика и у нее мог быть мотив, а об этом позаботилась дорогая Евгения Александровна, написавшая заявление о возбуждении уголовного дела против Марины, в котором ясно указала на наличие мотива – как вы понимаете, я говорю о завещании, – то доказать невиновность Марины будет очень трудно. Единственный способ – найти настоящего виновника, но это, мне кажется, не менее трудно.

– Какой-то замкнутый круг, – пробормотала я.

– Да, что-то вроде этого. Так что моя задача состоит не в том, чтобы оправдать Марину, на это нет никаких шансов, а в том, чтобы постараться выхлопотать минимальный срок. – Степан вздохнул.

– А что насчет звонка? – спросила я.

– Какого?

– Ну, того, по которому милиция приехала за изъятием вещдока?

– Ничего, – снова вздохнул Антонов. – Кто-то позвонил, сказал, что в совершении отравления виновата такая-то и такая, что у нее в мусорном ведре на кухне лежит пузырек из-под яда. А в это время в морге бились над причиной, по которой Игорь умер. Милиционеры поехали проверить и нашли то, что нужно.

– Значит, кто звонил, неизвестно...

– Нет, совсем!

– А Марина... Она не теряла ключи от квартиры в последнее время, или, может, они пропадали у Игоря? – спросила я.

– Нет, насколько известно самой Марине, такого не случилось, – ответил Степан Антонов.

– Я все думаю, каким путем пузырек попал к ней в мусорное ведро... – В этот момент я ощутила, что мои печенья начинают пахнуть как-то странно. – Минутку! – крикнула я в трубку и помчалась на кухню.

И успела в самый последний момент – еще немного, и, боюсь, моему мужу пришлось бы есть сухарики, а не печенья. Я выгатила противень и поставила на плиту, предварительно убрав остывший. На кухне странно пахло газом: это мой суп-харчо, не выдержав изрядного томления под крышкой, вырвался на свободу и затушил огонь конфорки. Я выключила газ, открыла пошире окно, подхватила с противня несколько особо пострадавших печений и, выкидывая их в мусорное ведро, поняла... Да уж, ассоциативный ряд у меня довольно, я бы сказала, своеобразный. Я оглядела еще раз

кухню, вздохнула и вернулась к телефону.

– Степан Антонов? – спросила я в телефонную трубку.

– Да, я здесь, – откликнулся он.

– Извините, у меня чуть печенье не пригорело, но, кажется, я знаю, как именно попал пузырек в Маринино ведро. Она была права, это служащий из Газэнерго.

– Да, она что-то говорила об этом, – подхватил он. – Но вы ведь сами сказали, что он был у всех жильцов...

– Да, это так, – подтвердила я. – Но именно так он и должен был сделать, если действительно хотел, чтобы его приняли за служащего Газэнерго. Мне следовало это понять раньше, впрочем, завтра я постараюсь это выяснить.

– Хорошо бы, – произнес адвокат.

– Что-нибудь еще? – поинтересовалась я. – Ну, у вас-то какие-нибудь соображения на этот счет имеются?

– Ну, как сказать, я довольно хорошо знал Игоря, поэтому даже представить не могу, кому могло такое прийти в голову и кто его мог отравить, – он снова вздохнул.

– Однако вы полагаете, что кто бы ни был этот человек, это не Марина.

– Нет, на Марину я вообще не мог бы подумать, я знаю, как они друг к другу относились.

– Но ведь остальные друзья Игоря, насколько мне известно, придерживаются другого мнения?

– Не знаю, вон и Евгения Александровна тоже другого мнения придерживается, на мой взгляд, тут речь просто о

том, кто и как относился к Марине при жизни Игоря. Многие из его приятелей, из наших общих приятелей, так, наверное, было бы сказать точнее, мне кажется, завидовали Игорю: рядом с ним такая красивая женщина. Тем более что Марина всегда вела себя так, что для нее никого, кроме Игоря, не существовало, и это было заметно невооруженным глазом. Возможно, кое-кому из наших общих знакомых самому хотелось бы иметь рядом такую женщину и они были бы не прочь, как это... отбить ее, скажем так, но Марина с самого начала вела себя так, что никаких попыток на эту тему и быть не могло. Я ее за это очень уважаю, она никогда не позволяла кокетничать с кем-то из нас и так вела себя с Игорьком, что всем вокруг было понятно: он для нее номер один, и никого, кроме него, просто нет. А сейчас... Думаю, это, конечно, мое частное мнение, что кое-кто из бывших друзей отвернулся от Марины именно потому, что она в свое время их не замечала и не собирается замечать теперь. Это такая мелкая месть, но думаю, что пройдет немного времени, и они одумаются.

– А вы? – спросила я.

– Что я? Мне Марина всегда нравилась, если вы хотите знать, разве она может не нравиться человеку, который хорошо видит? Но у меня есть жена и ребенок, и потом, Марина для меня – это в первую очередь подруга друга. Я ее очень уважаю, она всегда вела себя так, что Игорю не за что было стыдиться. Она – отличный парень, если можно так вы-

разиться. Для нее превыше всего долг, наверное, в этом мы с ней немного похожи... Но я что-то разоткровенничался, извините.

– Нет-нет, ничего страшного, – запротестовала я. – Все, что вы сказали, – это очень важно. Я понимаю, что Марина не зря доверяет вам, и надеюсь, что если она доверяет нам обоим, то мы сможем как-то вытащить ее из этой передряги.

– Да, я тоже надеюсь, – произнес Степан Антонов.

– Оставьте мне свой номер телефона, – попросила я. – Я перезвоню вам завтра, после того как попробую выяснить насчет того самого сотрудника, который приходил к нам в дом с проверкой. Я, конечно, разговаривала с соседями, и знаете, что интересно? Как я поняла, внешность у парня была самая заурядная, такая, что его толком никто и не запомнил.

– Что ж, будет хорошо, если вы что-то сможете узнать, тогда мы попробуем подключить к этому следователя. Пока он, увы, не на нашей стороне. То есть я хочу сказать, он стопроцентно уверен, что убийца Марина. Может, это тоже его маленькая месть чужой, небедной и очень красивой женщине. Такое, как я понимаю, не редкость.

Мы немного помолчали. Я вспомнила народное выражение, уж не знаю, насколько к месту, о том, что не родись красивой, а родись счастливой, и вздохнула.

– Да, кстати, номер телефона, – напомнила я.

Степан Антонов продиктовал мне номера своего рабочего, домашнего и сотового телефонов, я их записала.

– Так вы говорите, что, возможно, завтра она будет выпущена под залог? – спросила я.

– Да, завтра после обеда или в крайнем случае послезавтра, – подтвердил он.

– А что насчет завещания? – спросила я. – Что-нибудь известно?

– Оно будет вскрыто только через неделю, – сообщил адвокат.

Мы снова немного помолчали. Тут я услышала звук поворачивающегося в замочной скважине ключа и пробормотала:

– Степан, вы меня извините, но мне сейчас некогда, давайте созвонимся завтра.

– Хорошо, – только и успел вымолвить Антонов, как я уже положила трубку и поскакала опять на кухню.

Следовало накрыть на стол, чтобы план мой вполне удался. Я задвинула дверь на задвижку и принялась хлопотать по кухне, пока Володька переодевался. Он деликатно постучал в дверь и спросил:

– Ира, ты что там закрылась?

– У меня сюрприз, – ответила я, накрывая на стол. – Ты иди пока мой руки, минут через пять все будет готово.

– Сюрприз? – переспросил муж. – Надеюсь, приятный? – и пошел в ванную.

Когда он вернулся к кухонной двери, переодетый и умытый, у меня уже все было готово. Я открыла перед ним дверь,

внимательно наблюдая за довольно забавным удивленным и радостным одновременно выражением его лица.

– Вот это сюрприз, – произнес муж, подходя ближе к столу. – Баклажаны? Суп-харчо и мои любимые печенья? Ира, что все это значит? – Он посмотрел на меня довольно пронищательно. – Ты что, что-то хочешь попросить или в чем-то признаться?

Да уж, моего мужа не так-то просто было провести. Я вздохнула, понимая, что ни за что не смогу ему признаться сейчас, иначе он будет считать, что только в качестве взятки и могу приготовить полноценный ужин, только затем, чтобы что-то получить взамен, а вовсе не для того, чтобы побаловать своего любимого мужа. Поэтому я решила ни в чем не признаваться – не стоит портить ему аппетит и вечер, не следует его разочаровывать. Я улыбнулась, подошла к нему и, прижавшись щекой к его плечу, сказала:

– Нет, я ничего не хочу у тебя просить, может, только поцелуй... И ни в чем не хочу тебе признаваться, может, только в любви.

Я подняла на него глаза и получила желаемое.

– Нет, нет, нет, – произнесла я, переводя дыхание и немного отступая от Володьки, – сначала ужин, а потом все остальное. Я так готовила, так старалась. Я соврала тебе, что хочу услышать похвалы в свой адрес по поводу того, какая я прекрасная хозяйка.

– Уговорила, – произнес муж и сел за стол.

Похвалы я, конечно, услышала, да еще столько, да еще какой! Но когда мой муж, утомившийся выразить эту похвалу, задремал, уткнувшись носом в мою шею и щекоча своим дыханием, я уснула не сразу, а тщательнейшим образом обдумывала план действий на предстоящий день. Итак, первое, что мне предстояло выяснить, был ли этот дяденька в самом деле из Газэнерго. А потом я планировала познакомиться кое с кем из делового окружения Игоря Смеловского. Мне нужно было созвониться с Валерием Гурьевым, обещавшим кое-что узнать о компаньоне Игоря, а также сообщить все, что станет известно о таинственном сотруднике Газэнерго, если он, конечно, действительно таинствен.

Я осторожно отодвинулась от Володьки, повернулась на правый бок и, думая еще какое-то время, но уже совершенно непонятно о чем, уснула.

Глава 6

Утром, как всегда проводив мужа, я сразу принялась за сборы. Уже в начале десятого я вышла из дома и напрямик направилась в наш ЖЭК, чтобы узнать, а была ли плановая проверка газовых труб в нашем доме в пятницу. Насколько я знала, там о таких вещах должны знать. И потом, всегда существовала возможность пообщаться с сотрудниками и чиновниками из самого Газэнерго.

Контора нашего жилищно-экономического хозяйства находилась за два квартала от моего дома, и я решила пройти пешком, благо погода стояла самая подходящая для пеших прогулок – было еще не жарко, ласковый, теплый ветерок то и дело овеивал мое лицо, солнышко грело, травка зеленела, птички. Народу, несмотря на начало рабочего дня, на улицах было немного – начало июля, самый дачный сезон, да и отпускной. А те, кто еще трудится, сидят на своих рабочих местах. Наш район словно бы вымер. Я с удовольствием шла по улице, засаженной тополями, и чувствовала себя очень даже хорошо. Должно быть, сказывалось ощущение, что ты в отпуске, что не надо спешить на работу, толкаться в транспорте, бежать, опаздывая, по лестнице вверх, потому что лифт только что ушел, а через три минуты тебе нужно быть в редакции; что не надо ломать голову над тем, о чем делать передачу на следующей неделе, нервничать перед

эфиром, пытаться полюбить свою героиню хотя бы на время передачи, проводить на работе всю неделю, задерживаться, вникать в массу тонкостей и обстоятельств, чувствовать ответственность и отчитываться перед начальством, суетиться, пытаться разобраться в каких-то проблемах и с проблемами, словом – просто можно отдыхать, ни о чем не думая, идя летним утром по улице и любоваться зеленой листвой, травой и сияющим солнцем. Да, отпуск – это замечательная вещь! Особенно когда позади напряженный и тяжелый год работы. Отпуск, лето – разве могут быть слова, более восхитительные для рабочего человека?!

Я так разблаженствовалась, что чуть было не проскочила мимо конторы, расположенной в одном из жилых домов, со скромной табличкой у подъезда: ЖЭК номер такой-то. Я толкнула дверь и поднялась на несколько ступеней, оказавшись на первом, нежилом, этаже, оккупированном этой самой конторой, толкнула ее единственную дверь. Войдя в помещение, которое на самом деле было не чем иным, как длинным и сырым коридором, я прошла вперед и оказалась перед очередной дверью. Открыв ее, я наконец увидела первого человека, служащего в этой самой конторе. Этим человеком оказалась крепкого сложения среднестатистической внешности и возраста женщина, посмотревшая на меня внимательно и сурово из-под очков в пластмассовой оправе.

– Здравствуйте, – вежливо поклонилась я.

– Здравсьте, – ответила женщина не так вежливо и села за

один из трех столов, заваленных бумагами и папками. – Вам кого?

– У меня такой вопрос... – начала было я, но женщина меня перебила, заметив:

– Со всеми вопросами обращайтесь к Семену Михайловичу Карабуму в приемные часы.

– А когда у него приемные часы? – осторожно поинтересовалась я, не желая драконить мою строгую визави.

Женщина выразительно поджала губы и взглядом указала на доску на стене, увешанную разными объявлениями и бумагами с какими-то приказами и распоряжениями.

– Спасибо, – на всякий случай проговорила я, зная по опыту, что с такими среднестатистическими женщинами лучше быть крайне вежливой и внимательной, а не то, как говорится, себе дороже.

Я подошла к доске объявлений и вычитала, что Семен Михайлович принимает каждую среду и пятницу с девяти до двенадцати в кабинете номер семь. Про себя обрадовавшись, что попала в нужный день и в нужное время, я удивилась, что тут, оказывается, столько кабинетов, а я-то полагала, что ЖЭК – это один большой кабинет, и все. Видимо, ошиблась. Я осмотрелась в поисках двери отсюда, но не нашла, обнаружив у одной из стен, на которой и висела доска объявлений, большой шкаф с открытой дверцей, заваленный бумагами, у другой – окно с традесканциями и геранью, у третьей – два пустых стола. У четвертой, рядом с дверью, ведущей в длин-

ный пустой коридор, еще за одним столом сидела женщина. Правда, шкаф стоял как-то косо, но я не придала этому значения. Пришлось снова обращаться за помощью к женщине. Она что-то проверяла в тетради, кончиком карандаша водя по ровным колонкам цифр.

– Извините, – произнесла я. – Извините, что отвлекаю, – повторила я, когда женщина подняла на меня среднестатистические глаза. – А вы не подскажете, как попасть в кабинет номер семь?

– За шкафом дверь, – ответила она мне и снова уткнулась в колонки цифр.

– За шкафом? – Я не удержалась от удивления. Первый раз вижу, чтобы дверь находилась за шкафом.

– У нас перестановка, – вяло просветила меня женщина.

– Понятно, – кивнула я и шмыгнула за шкаф, за которым и правда обнаружилась дверь. Я открыла ее и оказалась в другом, более просторном и даже с одним окном, коридоре. Из него шли еще четыре или пять дверей. Я внимательно рассмотрела каждую из них, не обнаружила искомой под номером семь и толкнула первую справа. Это оказался еще более просторный коридор с ровным рядом стульев по левой стороне, даже двумя посетителями, расположившимися на этих самых стульях, и вождеденной табличкой на двери в конце коридора. «Вот он, заветный кабинет номер семь», – подумала я и смело шагнула в коридор.

Двумя посетителями передо мной, как и следовало ожи-

дать, оказалась одна бабулечка, по возрасту, скорее всего, ветеран ВОВ, а также более молодой, по сравнению со своей соседкой, дедочек. Ей было лет под восемьдесят, а ему, должно быть, около семидесяти.

– Здравствуйте, – подошла и поздоровалась я. – Вы к Карабуму?

– К нему, к нему, дочка, – прошамкала бабулечка.

Я кивнула, улыбнулась и села неподалеку от них. «Что за фамилия такая, – праздно ожидая, думала я, – Карабум. Это уж ни с чем не соотносимо, так, должно быть, сказали бы раньше». Через несколько минут дверь кабинета открылась и из него вышла довольно привлекательная женщина лет тридцати пяти. Вошла бабулечка. «Да уж, – подумала я, – ведь это, должно быть, надолго, а у меня сегодня были и другие планы. И зачем я здесь сижу, ведь даже толком не знаю, сможет ли этот Карабум ответить на мой вопрос. И чего я вообще пришла, разве нельзя было попробовать навести справки об этом сотруднике по телефону?» Я вздохнула, подумав, у кого бы можно узнать, сможет ли этот Карабум мне помочь? Покосилась на дверь, обитую коричневым дерматином, на дедулечку, снова вздохнула, решив выйти в коридор, чтобы тщательно изучить таблички на соседних кабинетах: а вдруг там отыщется то, что мне нужно. Ну, например, какой-нибудь еще Карабум, ведающий только газом?

– Я сейчас подойду, – сказала я дедулечке, он кивнул мне в ответ, и я вышла из коридора.

И не поверите, но иногда такое случается, и даже называется «на ловца и зверь бежит», я буквально столкнулась со своим соседом по дому, с Виталей Твердолюбовым, живущим рядом со мной, на одном этаже, но только в соседнем подъезде. Насколько я знала, Виталий занимал какой-то пост, по-моему, не очень даже значительный, в администрации, и я никак не ожидала его встретить здесь. Мы познакомились прошлым летом, отдыхая у наших общих знакомых на даче.

– Привет! – воскликнул он, узнав меня. – Ира, ты что здесь?

– Привет, Виталя, – ответила я. – Да вот, пришла кое-что узнать. Слушай, а у вас в пятницу не было проверки?

– Какой проверки? – вскинул черные брови мой собеседник.

– Плановой проверки из Газэнерго? Примерно в одиннадцать часов дня?

– В пятницу? Нет, Маришка была дома, она бы сказала, – ответил Виталя. Маришка – это его жена. – А что?

– Да вот хочу узнать, была ли вообще эта проверка, потому что у нас в подъезде какой-то дяденька обходил квартиры.

– Ну, это тебе не сюда, – благодушно заметил молодой чиновник. – А что, так важно, что ли?

– Да, – ответила я, – боюсь, что даже не смогу описать, как важно для меня узнать, а был ли мальчик.

– Ладно, не беда, сейчас выясним, подожди минутку, – он нырнул в первую попавшуюся дверь, а я осталась ждать.

Минут через десять Виталья вышел и сообщил:

– Никакой проверки не было и быть не должно было!

– Ты уверен? – уточнила я.

– Более чем, – просто ответил Виталья.

– Спасибо, – поблагодарила я, правда, без особого энтузиазма.

– А что? Что, по-твоему, должна была быть проверка?

– Знаешь, лучше бы она была, наверное... а может, и нет.

Сама не знаю, но ты мне здорово помог. А, кстати, я правда не думала здесь тебя встретить, ты что, переквалифицировался?

– Да нет, это я так, с частным визитом, – ухмыльнулся

Виталий.

– Ну, не стану отвлекать, – улыбнулась я. – Привет Маришке.

– Спасибо, ты тоже Володьке кланяйся, – откликнулся он. – Да, кстати, на следующие выходные мы собираемся поехать к Чернышевым на дачу, вы как, присоединитесь?

– Ну, если нас пригласят, обязательно, – заверила я.

– Полагаю, пригласят, – заметил Виталья.

На этом мы и расстались. Я выбралась из ЖЭКа, радуясь, что все-таки не зря пошла сюда и что очень вовремя решила выйти в коридор, а то могла бы провести здесь чуть ли не целый день и так ничего и не узнать. Что ж, результат

был, а служащего Газэнерго не было. Я решила сразу же, как вернусь домой, позвонить Степану Антонову и сообщить об этом: пусть милиция тоже проверит. Во всяком случае, это было уже кое-что.

Вернувшись домой, я приняла душ, переоделась и буквально в начале первого позвонила Антонову. Он оказался на работе.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, – это Ирина Лебедева.

– О, здравствуйте, Ирина Анатольевна, – произнес адвокат.

– Я хочу вам сообщить, что я узнала почти доподлинно, что никакой проверки Газэнерго в пятницу в нашем доме не было.

– Это точная информация?

– Ну, насколько я полагаю, да. Так что можете теперь заставить милиционеров подсуетиться.

– Хорошо, так и сделаю, сейчас же поеду к следователю и стану настаивать. Что-нибудь еще?

– Да нет, – ответила я, – позвоните вечером, скажите, как Марина и когда ее отпустят.

– В обязательном порядке, – заверил Антонов, и мы простились.

Затем я позвонила Валерке Гурьеву в надежде услышать что-то полезное и от него.

– Ира? – спросил Валерка, подходя к телефону.

– Как ты узнал? – в свою очередь, спросила я.

– Просто, когда мне сказали, что зовут к телефону женским голосом, я сразу подумал о тебе, – ответил Валерка.

– Так я тебе и поверила, что никто, кроме меня, не может звать тебя к телефону женским голосом, – добродушно проворчала я. – Есть новости?

– Есть, и еще какие! – с энтузиазмом выпалил мой коллега. – Но лучше не по телефону. Давай встретимся через полчаса.

– Давай, – согласилась я. – А где?

– Что за вопрос, Ира, – возмутился Валерка, – конечно, у тебя.

– Ну, если ты только обещаешь, что новости действительно захватывающие, – произнесла я.

– Обещаю, – проговорил Валерка.

– Тогда приезжай, у меня, кстати, тоже есть что сообщить тебе.

– Ну, тогда я приеду так быстро, как только смогу, – сказал Валерка и положил трубку.

Я тоже положила свою и пошла на кухню, поставить чайник и приготовить хотя бы салатик: наверняка он будет голодным.

Валерка приехал без четверти час, я к этому времени уже успела постругать овощи и сообразить нехитрый обедик.

– Привет, – сказала я, открыв дверь, – давай заходи.

– Привет, привет. – Валерка зашел. – Куда?

– На кухню, разумеется, – улыбнулась я немного язвитель-

но и пошла впереди него.

– Ну, Ирина Батьковна, – произнес Валерка, увидев накрытый стол, – я всегда считал, что твоему мужу с тобой в высшей степени повезло. – Он сел на табурет. – Ты редкая женщина, умеющая понимать, что и в какие минуты нужно мужчине...

– Перестань, – беззлобно огрызнулась я, – а то я сейчас возомню о себе невесть что. Ешь лучше!

– Ира, – сказал Валерка, жуя салатик и бутербродик с колбаской, – я давно хотел у тебя спросить, почему ты не моя жена?

– Потому что ты много болтаешь глупостей, – ответила я с улыбкой. – Дожевывай и приступай к рассказу.

– Но ты ведь говорила, что тебе тоже есть что сказать мне? – Валерка хитро подмигнул.

– Да, кстати. – Я налила нам чаю и села напротив за стол. – Мне вчера звонил Маринин адвокат, мы с ним довольно мило побеседовали, и, знаешь, на какую мысль он меня натолкнул? – Валерка, скорчив умильную рожу, отрицательно покачал головой. – Он сказал, что Марина всегда вела себя в компании так, будто Игорь был единственным мужчиной на Земле, что у многих его друзей из-за этого, возможно, к Марине была своего рода неприязнь, порожденная именно тем, что им самим хотелось быть на месте Игоря...

– Проще говоря, зависть, – подсказал Валерка.

– Ну да, – немного рассеянно произнесла я. – Так вот,

Степан, это адвокат и друг Игоря и Марины, он считает, что то, что сейчас большинство их общих друзей отвернулись от женщины, произошло именно потому, что это своего рода месть ей...

– За что? – спросил Валерка. – За то, что она хранила верность своему другу?

– Получается так, – вздохнула я. – А может, и из-за того еще, что она такая красивая, что им бы и самим хотелось иметь такую.

– Понимаю, куда ты клонишь, – произнес Валерка, – ну да ладно, договаривай сама.

– Да, я вот тут и подумала: а что, если целью была Марина, поэтому все так, поэтому ей подкинули пузырек из-под яда... Да, кстати, о пузырьке. Я ведь узнала, никакой плановой проверки не было...

– Значит, твоя Марина оказалась права и это дело рук того невзрачного дядечки? – Значит, – вздохнула я. – Но его найти вовсе не представляется возможным.

Мы помолчали, Валерка уже поел и теперь потягивал чай.

– Выйдем на балкон, – предложил он, дожевывая печенье, – я покурю и расскажу тебе то, что удалось узнать о компаньоне Смеловского. Там тоже есть кое-что интересное. А с твоей версией насчет мести Марине... – Валерка выразительно цыкнул и покачал головой. – Как-то не верится. Но если у нас не будет ничего другого, то есть если не останется другого, мы возьмемся и за эту версию, а пока... – Он поднялся

из-за стола, я тоже, мы прошли через гостиную и вышли на балкон.

Валерка сел в одно из плетеных кресел, я в другое, и он, закурив, начал свой рассказ:

– Значит, так, Ирина Анатольевна, сначала мне представляется правильным рассказать вам немного о самой фирме и сфере бизнеса, в которой промышлял покойный. Как тебе, наверное, известно, занимается фирма «Арист» торговлей пищевыми добавками. Это, конечно же, сначала была просто посредническая контора, которая пару лет назад открыла первый свой фирменный магазин, а теперь имеет их уже три. Продают они там любые пищевые добавки, начиная от тех, какими подкармливают младенчиков, до тех, какие нужны всем нам в возрасте за пятьдесят. Товар у них качественный, в основном отечественного производителя, ну, это сейчас, само собой, раньше-то небось какой лабудой только не торговали. Впрочем, все это в прошлом. Теперь фирма чистая и вполне респектабельная. Это что касается прошлого и настоящего.

– По данным разведки, – продолжил Валерка с легкой улыбкой, закурив еще одну сигарету, едва успев потушить первую, – компаньоном покойника была и есть некто Лейла Таирова. Каким таким макаром они оказались в одной лодке, разведке, увы, неизвестно. Работают они вместе уже шестой год, и вроде все у них в деловом смысле всегда было нормально, да только вот три месяца назад Смеловский заго-

релся идеей отпочкования. Захотел выйти из общего бизнеса и открыть свой собственный, практикуясь исключительно на добавках для спортсменов. В то время, как госпожа Таирова, по тем же агентурным сведениям, наоборот, хотела фирму расширить. Понимаешь, к чему я клоню? – спросил Валерка.

– Ты хочешь сказать, что между компаньонами пробежала черная кошка? – осторожно поинтересовалась я.

– Вот именно, – подхватил Валерка. – Не думаю, что госпожу Таирову порадовало желание компаньона отсоединиться. Ты, надеюсь, понимаешь, что это означало: из общего дела будет изъята половина капитала, да к тому же какая-то часть клиентов непременно уйдет, особенно крупных клиентов.

– И что? – спросила я. – А твоя разведка случайно не знает, почему это вдруг он решил уйти от этой самой Лейлы?

– Нет, об этом разведка молчит, предоставляя прекрасную возможность тебе самой разобраться в этой запутанной истории, – произнес Валерка.

– Спасибо, я весьма польщена, – хмыкнула я. – Ну а ты-то сам что думаешь?

– Ну, что я могу думать, – пожал плечами Гурьев, – надо тебе отправляться на свидание с этой самой Лейлой Таировой.

– Ну и? Приду и что скажу ей? Здравствуйте, мне, мол, хотелось бы узнать, не вы ли отравили своего компаньона Игоря Смеловского? Так, что ли? Или спрошу: не было ли у

нее мотива его травить и при этом подставлять Марину?

– А хоть бы и так, – выразительно посмотрел на меня Гурьев. – В конце концов, может, тут не только месть и зависть, но еще и ревность? А? Ты вот знаешь, какие у нее были отношения со Смеловским?

– Будто ты знаешь! – Ядовито ответила я.

– Нет, – согласился Валерка, – но надеюсь узнать после того, как ты пообщаешься с этой дамой.

– А если я не хочу? – спросила я. Мне и правда почему-то очень не хотелось с ней видеться, не знаю, то ли предчувствие, что ничего путного из этой встречи не выйдет, то ли неуверенность: а что, мол, если она со мной и разговаривать не захочет? Кто я такая, почему она должна отвечать на мои вопросы о своих отношениях со Смеловским?

– Что ж, – пожал плечами Валерка с самым беззаботным видом, – тогда твою подружку посадят лет этак на пятнадцать.

– Это запрещенный прием, – сердито ответила я.

– Вот уж ничуть не бывало, – проговорил Валерка. – Это просто констатация факта. Ты сама хотела помочь ей, влезла в это дело сама и меня втянула, а теперь вдруг передумала. Неужели стало скучно?

– Нет, – вздохнула я. – Сама не знаю, что со мной. Конечно, я поеду на встречу с этой теткой, постараюсь вызвать у нее доверие, но очень сомневаюсь, что у меня из этого получится что-то путное.

– Ты, значит, не веришь, что возможна версия убийства на деловой основе?

– Как это, на деловой основе? – переспросила я Валерку. – Ты бы хоть формулировки поточнее выбирал, – язвительно посоветовала я.

– Неважно, ты ведь поняла, что я хотел сказать, – отмахнулся Валерка. – Так что давай не ной, иди собирайся, я тебя к ее офису подброшу.

– И потом, Валера, – я все еще не спешила собираться, – ты уверен, что в случае смерти Смеловского все переходит Таировой? А что, если он переоформил завещание и оставил свою долю в бизнесе кому-нибудь другому?

– Вот, и об этом ты тоже постарайся узнать у Лейлы, – подхватил Валерка, – а также еще и о том, мог ли быть у этой женщины такой мотив, как месть, ревность или зависть, была ли она знакома с Мариной и что думает по поводу ее персоны, замужем ли и кто ее муж, как она относилась к тому, что Смеловский собирался выходить из общего дела...

– Помедленней, пожалуйста, я записываю, – проворчала я, бросила на Валерку негодующий взгляд и, встав из кресла, пошла собираться.

– Кстати, – крикнул мне вслед Валерка, – тебе и придумывать легенду не надо, скажешь, что мы собираем материал для передачи!

– А мы его собираем? – Я вернулась и посмотрела ему в глаза.

– О! А разве нет?! – воскликнул Гурьев.

Я вздохнула, покачала головой и все-таки пошла собираться. Через сорок минут, то есть около половины третьего дня, мы подъехали к одной из высоток в так называемой деловой части города, принадлежавшей некогда полностью какому-то институту, а теперь предлагающему свой кров за наличность различного рода организациям.

– Ну, давай, удачи тебе, – произнес Валерка. – После обеда она должна уже быть здесь, точно знаю. Поднимешься на седьмой этаж и увидишь вывеску. Вечером созвонимся. Пока.

– Пока, – ответила я и вышла из машины.

Что ж, компаньон Лейла, значит, компаньон Лейла. Я вздохнула и вошла в высотку.

Охранник встретил меня довольно хмуро, поинтересовался, куда я направляюсь, кто я такая, велел показать документы и подозрительно осмотрел меня, пожелав узнать, назначено ли мне, затем спросил, зачем мне в «Арист», потом, услышав, что я с телевидения и хотела бы взять небольшое интервью, по крайней мере, договориться о большом, буквально приказал мне записаться в большом толстом журнале посещений и отнял у меня паспорт, заявив, что вернет, когда я буду уходить. Я было хотела запротестовать, но он выглядел так внушительно в своем камуфляже, так решительно запер мой паспорт в ящик своего стола, что я не стала тратить время впустую. Только после всех этих многочисленно-унизи-

тельно-подозрительно-дотошных процедур и расспросов он наконец разрешил мне пройти.

Я кинула на него уничтожающий взгляд, заявила, что, если с моими документами что-нибудь случится... Впрочем, он не дал мне договорить, хмыкнув и показав ручищей, в каком направлении мне двигаться. Я подчинилась. Настроение было испорчено вконец. Минут пять прождала лифта и, когда вошла в него, отделанного зеркалами, даже поразила выражению своего лица. Да уж, если с таким фейсом я появлюсь на пороге кабинета этой самой тетки по имени Лейла, боюсь, она меня просто выкинет из окна, ну, на худой конец, выставит вон, и будет права. Надо что-то срочно делать... Поэтому на седьмом этаже я сначала зашла в довольно чистый туалет, постояла у окна, пытаюсь подумать о чем-нибудь приятном, глубоко подышала, порылась в сумочке и, на свою удачу, нашла там кусочек шоколада. Я вышла из туалета, съела шоколад, и, немного пройдясь по длинному и тоже вполне чистому коридору, относительно успокоилась. Посмотрелась в зеркало и убедилась, что могу улыбаться, пусть и не искренне, но довольно широко, и направилась к металлической двери с ярко-красной табличкой, сообщающей, что здесь-то и находится фирма «Арист».

Я осторожно постучалась, повернула ручку и открыла дверь.

Глава 7

– Входите, – сказала мне приятной внешности девушка, по всему видно, секретарша, сидящая за прекрасно оборудованным столом с компьютером, факсом, модемом, принтером и парой телефонов.

– Здравствуйте, – шагнула я в небольшую, но просторную комнату с ковровым покрытием на полу, диваном у стены напротив рабочего стола девушки, с большим окном с вертикальными жалюзи, календарями на стенах, цветами по углам, с кондиционером, небольшим холодильничком в уголке, столиком, на котором размещалась посуда, чайник и кофеварка, и двумя дверями рядом друг с другом.

На одной табличка с фамилией Игоря, на другой, соответственно, с фамилией Лейлы.

– Здравствуйте, – вежливо-заученно улыбнулась мне зеленоглазая брюнетка в строгом синем костюме. – Вы по какому вопросу? Присаживайтесь.

– Спасибо, – поблагодарила я и села на уголок дивана, поближе к секретарю. – Я к госпоже Таировой, с телевидения.

– Но ее сейчас нет. – Девушка сделала извиняющееся личико. – Она должна подойти минут через тридцать. – Она пристально посмотрела на меня. – А вы... Извините, вы не Ирина Лебедева? – осторожно спросила она.

– Да, – улыбнулась я в ответ, – я Ирина Лебедева.

– О, – выдохнула девушка, – то-то я и смотрю, что ваше лицо мне как-то по-особенному знакомо. – Ее улыбка стала немного смущенной. – Но разве вы договаривались с Лейлой Михайловной?

– Нет, – ответила я. – А как ваше имя?

– Таня, – произнесла она.

– Нет, Танечка, мы с Лейлой Михайловной не договаривались, все это так, я бы сказала, с наскока. Дело в том, что мы собираем материал для передачи об Игоре Смеловском, своего рода этакое журналистское расследование. – Я слегка усмехнулась. – Поэтому я приехала переговорить насчет интервью: ведь, насколько мне известно, они сотрудничали не один год.

– Это так, – подтвердила Таня.

– А вы, Танюша, давно здесь работаете? – поинтересовалась я.

– Два года, – ответила мне девушка.

– О! – Я кивнула. – Должно быть, вы замечательный секретарь, – искренне высказалась я.

– Почему? Самый обычный, – произнесла Таня, и по выражению ее миловидной мордашки нельзя было сказать, что она просто кокетничает.

– Ну, хотя бы потому, что вы работаете здесь два года. – Я продолжила развивать тему. – По нынешним временам секретарь-долгожитель – большая редкость, в очень многих организациях секретари меняются раз в квартал.

– Если и есть в этом заслуга, то не моя, – проговорила Таня. – Мне просто повезло с начальством. Хотите кофе?

– Если можно, – вежливо улыбнулась я. – А кого именно из начальников вы имеете в виду?

– Обоих, – произнесла она, наливая мне кофе. – Сколько сахара?

– Две ложки, спасибо. – Я приняла из ее изящных ручек чашку. – И потом, раз вы так долго здесь работаете, значит, тоже должны были неплохо знать Игоря.

– Конечно. – Таня снова села за стол и поставила на него локоточки, вежливо улыбаясь. – Игорь Александрович замечательный человек. Был, к сожалению, – вздохнула она и на минутку опустила свои выразительные глаза. – А что вы хотели бы узнать, если, конечно, можно задать вам этот вопрос? – Я вскинула брови, ожидая разъяснения поконкретней. – Вы сказали, – продолжила Таня, – что проводите своего рода журналистское расследование? А что такое? Разве он умер не от сердечного приступа?

– Не совсем, – уклончиво ответила я, соображая, насколько тесными могли быть отношения шефа и секретарши: в принципе, теоретически они могли быть очень даже тесными. А если так, то она вполне могла знать о состоянии его здоровья, а если так... Но стоп, я заставила себя остановиться на этих догадках. – А вы разве ничего не знаете? – спросила я.

– Например? – Теперь подняла брови Таня.

– О том, что его убили? – Я решила пойти ва-банк.

– Убили? – в ужасе повторила девушка, испуганно раскрыв глаза.

А я подумала, что все мы, женщины, конечно, мастерицы притворяться, поэтому не стоит слишком уж доверять таким мимическим ужимкам. И тут же вспомнила свою соседку Марину. Но там было другое, Марину-то я хоть знала поближе. Хотя... Нет, я считала, что Марина невиновна, иначе что я здесь делаю?

– Так вы, значит, не в курсе? – уточнила я.

– Нет, а чего? – покачала головой Таня.

– Игорь был отравлен неизвестным ядовитым веществом, которое вызвало симптомы сердечного приступа, – несколько холодно сообщила я. – Милиция ведет свое расследование, а мы, соответственно, свое. Они, кстати, у вас еще не были?

– Нет, – покачала головой Таня.

– Придут, – уверенно пообещала я и демонстративно отхлебнула из чашки.

– А что, кого-то подозревают? – участливо спросила Таня.

– Ну, как и всегда, есть круг основных подозреваемых, – немного приврала я. – Поэтому так и важно поговорить с теми, кто близко знал Игоря Александровича; возможно, удастся таким образом найти настоящего убийцу. Пока ничего конкретного не известно. – Я снова сказала неправду. Что ж, ради дела можно, тут же оправдалась я. И добавила:

– Вот вы, например, Таня, могли бы нам здорово помочь.

– Как? – спросила она. – Спрашивайте, я вам все, что знаю, расскажу.

– Спасибо. – Я немного подалась вперед. – Вот скажите, как вам кажется, ну, вы видели своих начальников каждый день, какие между ними были отношения? Они дружили?

– По-моему, – Таня слегка нахмурилась, – они всегда ладили друг с другом. Правда, последние месяцы... Вы что-нибудь знаете о том, что Игорь Александрович собирался выйти из бизнеса?

– Да, – произнесла я.

– Вот, где-то пару месяцев назад я заметила, что они перестали вместе обедать, хотя раньше это нередко практиковалось. Потом Игорь Александрович стал почти всех клиентов отсылать к Лейле Михайловне, сказав, что он уже мало интересуется этим бизнесом и что теперь она сама должна решать многие вопросы. Потом они почти перестали общаться, это было заметно, тем более по сравнению с тем, какими были их отношения раньше... – Я сделала выразительные глаза. – Вот уж чего не знаю, – ответила на мой немой вопрос Таня, – того не знаю. И никогда ничего подобного не замечала. По-моему, – добавила она, – он был очень влюблен в свою подругу, кажется, Марина Белогурова. Вы ее видели? – Я кивнула в ответ. – Вот, и я видела, – вздохнула она. – Разве можно было рядом с такой красавицей думать о других женщинах. Да он и не замечал никого. – Она слегка пожала

плечиком.

– А вы не припомните, что было в прошлый четверг и пятницу? – задала я наводящий вопрос.

– А что было? – Таня снова пожала плечами. – В четверг он уезжал на обед, потом вернулся, просидел в кабинете до пяти и уехал домой. Лейла Михайловна задержалась до шести. Обычный день.

– А пятница?

– А в пятницу Игорь Александрович приехал поздно, уже около одиннадцати, потом... Он, кажется, с кем-то встречался, по-моему, в одном из ресторанов... Не знаю точно, – пожала она плечиком.

– А с кем, он не говорил? – скорее уточнила, нежели спросила я.

– Нет, не говорил, – подтвердила Таня.

– Хорошо, а что с Лейлой Михайловной?

– Она провела всю пятницу в своем кабинете, – ответила Таня. – Как всегда, с девяти утра.

– Скажите, Танечка, – я слегка прищурилась, – а накануне Игорь Александрович и Лейла Михайловна вместе не обедали?

– Нет, – Таня покачала аккуратно причесанной головкой, – они только пили кофе часа в четыре дня, сидели у нее в кабинете.

– И никто из них не выходил из кабинета?

– А что? Это важно? – удивилась она.

– Очень, – завершила я.

– Игорь Александрович выходил в свой кабинет за какими-то бумагами, потом вернулся к Лейле Михайловне. Они пробыли вместе около часа, а потом он уехал.

– Понятно, – кивнула я.

Что ж, совместное кофепитие, во время которого Игорь выходил, пусть даже на несколько минут, – это уже кое-что.

– Таня, а как, вы думаете, Лейла Михайловна отнеслась к желанию Игоря Александровича выйти из общего бизнеса?

– Вы задаете какие-то странные вопросы, – заметила Таня. – Если вы полагаете, что я скажу вам о ней что-то такое, из чего можно сделать вывод... – Она выразительно покачала головой. – Но, с другой стороны, как бы вы сами отнеслись к желанию вашего многолетнего компаньона покинуть вас? Изъять из оборота фирмы приличную долю, практически половину, в то время как сами подыскиваете возможность для расширения своей новой фирмы?

– Наверное, я бы восприняла такое желание без энтузиазма, – честно призналась я.

– И я бы, – проговорила Таня. – Я готовила документы на выкуп его доли. Лейла Михайловна сказала, что лучше потратит свои деньги на то, чтобы выкупить долю Игоря Александровича, чем позволит ему изъять деньги из оборота.

– Разумное решение, – заметила я.

– А она вообще женщина разумная, – проговорила Таня.

– А вообще она человек спокойный?

– Иногда даже слишком, – едва заметно усмехнулась Таня. – Порой думаешь: лучше бы сорвалась и наорала, с таким спокойным, каким-то чуть не замороженным видом говорит тебе о твоих промахах. Я ее даже побаиваюсь, такая она... – Таня выразительно покачала головой, но больше ничего не добавила.

– А Игорь Александрович?

– Ну, у того по-всякому бывало, мог и поорать за дело, мог психануть, но вообще это с ним очень редко случалось. Он тоже сдержанный человек, и потом, если он даже срывался, то всегда потом извинялся.

– Ценное качество в начальнике, – многозначительно произнесла я, вспомнив своего непосредственного шефа: от того никаких извинений не дождешься.

Я вздохнула и посмотрела на Таню. Что ж, кое-что она мне помогла прояснить, но у меня, наверное, наличествует синдром паранойи, потому что с некоторых пор, не стану уточнять, с каких именно, я стала довольно подозрительно относиться к женщинам. Это не значит, что я больше доверяю мужчинам, и вовсе не значит, что мужчина во всем предпочтительнее. Это всего лишь значит, что чаще всего мне приходится иметь дело именно с женщинами, и поэтому я знаю, как искренни и как правдивы могут быть они тогда, когда им это нужно. Я и сама такая. Поэтому с женщинами всегда нужно держать ухо востро, они те еще штучки. Вот, например, сейчас получается, будто в окружении Игоря большей

частью были женщины, причем женщины, каждая из которых вполне могла иметь мотив...

Вот взять хотя бы милого секретаря Таню, отвечающую сейчас на какой-то телефонный звонок. Вполне можно вообразить, что Таня была в довольно близких отношениях с Игорем, ревновала его к Марине и решила, по слову классика: «Так не доставайся же ты никому!» – отравить беднягу и подставить при этом Марину. Все сходится. Для того же, чтобы подставить Марину, нужно было просто попросить кого-то из знакомых или кому-то хорошо заплатить, чтобы он подсунил Марине в мусорное ведро пустой пузырек. И отравить Игоря она могла, когда готовила кофе. А если еще представить, что была нанесена какая-то обида, например, что Таня оказалась беременна, а он не захотел признавать ребенка... Замечательный мотив – месть плюс ревность. Термоядерная смесь...

Таня в этот момент извинилась и принялась кому-то названивать. А я продолжала свои размышления. Или вот компаньон Лейла. Та же самая история с ревностью плюс деловые соображения. Куда проще избавиться от Игоря, чем тратить деньги на выкуп его доли и тем самым наносить довольно ощутимый урон своему карману и своему делу. Тем более, как мы уже выяснили, Марину подставить было нетрудно. Еще неизвестно, какие между Лейлой и Игорем были отношения... Как там сказала его тетушка? Что он скорее умер бы от сексуального истощения?.. Это наводит на некоторые

соображения. И потом, слишком уж как-то идеально получается. Степан говорит, что Марина никого, кроме Игоря, не замечала, а вот теперь и секретарша Игоря говорит, что и он никого, кроме своей подруги, не замечал. Нет, в душе я всегда была романтиком и верила в подобные отношения, хотя бы потому, что тоже никого, кроме собственного мужа, не замечала вокруг и не могла рассматривать в качестве мужчины для себя. Но все равно было много подозрительного...

Да и тетушка тоже. Может, она и правда, когда выходила, подлила яд в какой-нибудь стакан, мало ли в каких отношениях и с кем в этом ресторане она была, если считалась его постоянной клиенткой? Подкупила не только этого хмыря-«газовика», а еще и официанта? Побрызгала блюдо для племянничка или плеснула ему в кофе? Очень даже просто. И мотив опять-таки имеется. Мало того, что ревность к Марине, так еще и завещание. Если докажут, что Марина и есть отравительница, то завещание можно оспорить. Да уж, все правильно, все сходится, как говаривала бабуля, однако ребеночек не наш. Я покачала головой, а тут как раз Таня закончила свой разговор по телефону.

– Извините, – повторила она. – Еще что-нибудь хотите узнать?

– Да нет, спасибо, – поблагодарила я и поставила чашку на ее стол.

Таня поднялась и убрала ее на другой, маленький, столик.
– Что-то Лейла Михайловна задерживается, – сказала она,

глянув на часы, показывающие уже половину четвертого пополудни. – Если хотите, я ей позвоню, узнаю, когда она придет, – предложила вежливая девушка.

– Ну, в общем... – однако я не успела договорить, потому что входная дверь открылась и в приемную вошла прекрасной, я бы даже сказала выразительной фактуры, и форм женщина: яркая, жгучая брюнетка за тридцать, элегантно одетая и причесанная, ухоженная до кончиков наманикюренных ногтей, в черном костюме с цветастым шелковым шарфиком. Она глянула на меня, затем на Таню, поднявшуюся со своего стула навстречу хозяйке – иного слова и не подберешь.

– Лейла Михайловна, – пролепетала Таня, – это к вам, с телевидения...

– Я вижу, – ответила Таирова, перевела на меня слегка заинтересованный взгляд, сверкнула синими глазами, брильянтами в ушах и произнесла: – Здравствуйте. Минутку, я сейчас, – и удалилась в свой кабинет, прикрыв за собой дверь.

Мы с Таней переглянулись.

– Теперь понимаете, – спросила она, понизив голос, и вздохнула, – почему я ее побаиваюсь?

– Понимаю, – сочувствующе произнесла я.

Мы помолчали. Через пару минут дверь кабинета открылась и Лейла Михайловна произнесла:

– Прошу, Ирина Анатольевна, заходите.

Я встала и пошла к ней.

– Вы меня узнали, это хорошо, – сказала я, пройдя в кабинет и, по жесту его хозяйки, расположившись в мягком кожаном кресле у стола.

Вообще кабинет был обставлен не без вкуса. Довольно светлый и просторный, с темными тяжелыми шторами на окне, с большим столом, на котором стоял новомодный компьютер, с парой пейзажей на стенах, оклеенных светлыми обоями, с ковровым покрытием на полу, цветами в углу, со шкафом, тоже новомодным, выдержанным в светло-коричневой гамме, и, наконец, с шикарной женщиной за столом напротив.

– Конечно, я вас узнала, – улыбнулась Таирова. – Я иногда смотрю телевизор, в частности вашу передачу. Ее очень любит моя мама, и, простите, сразу просьба. – Лейла Михайловна улыбнулась еще шире. – Независимо от того, как сложится наш разговор, пожалуйста, не откажите, подпишите моей маме эту открытку. – Она достала из ящика стола цветную поздравительную открытку. – У нее скоро юбилей, ей будет очень приятно.

– Охотно, – ответила я, принимая открытку с ручкой, и чувствуя себя под энергетически сильным напором этой женщины едва ли не школьницей, хотя вообще-то мне комплексовать не из-за чего. – Как зовут маму?

– Тамара Семеновна, – ответила Лейла.

Я подписала открытку, набросав несколько пожеланий.

Таирова приняла ее, пробежала глазами, снова улыбнулась и, кивнув, убрала в стол:

– Большое спасибо. Моей маме скоро шестьдесят. – Потом она нажала кнопочку селектора на телефонном аппарате и сказала: – Танечка, приготовь нам, пожалуйста, кофе. Надеюсь, вы не откажетесь? – немного запоздало поинтересовалась она.

– Нет, не откажусь, – ответила я, глядя ей в глаза и слегка откинувшись в кресле.

– Отлично, – она убрала пальчик с кнопки и тоже откинулась в своем. – Ну что ж, Ирина Анатольевна, теперь я вся внимание.

– Дело в том, Лейла Михайловна, – медоточиво произнесла я, – что я пришла к вам в связи с тем, что мы готовим передачу о вашем компаньоне, Игоре Смеловском...

Таирова слегка повела бровью, но ничего не сказала, только кивнула. Не знаю, может, она подумала, что я хочу пригласить ее на свою передачу «Женское счастье», но я была в отпуске, разве не так?

– Вы, наверное, знаете, что обстоятельства его смерти довольно загадочны... – продолжила было я, но тут Лейла наклонилась вперед и, уперевшись кулачками в край стола, сказала:

– Я уже имела беседу со следователем. Он задавал мне много разных вопросов, но я никак не пойму, вам-то что до этого? Или вы решили переквалифицироваться и из веду-

щей ток-шоу стать детективом?

– Почему вы так считаете? – несколько удивилась я, но немного и обиделась.

– Потому, – Лейла снова откинулась в кресле и слегка усмехнулась, – что я вижу, вы тоже собираетесь задавать мне всякие каверзные вопросы. – Она сделала выразительный жест рукой, – об Игорьке. Но какое вам до всего этого дело и разве это, пardon, входит в вашу компетенцию?

– Лейла Михайловна, – вздохнув, сказала я, понимая, что такую акулу на мякине не проведешь, придется признаваться во всем, иначе она просто выставит меня вон, – вы правы. Я хочу задать вам, как вы выразились, каверзные вопросы об Игоре Александровиче, и тому есть несколько причин...

– А вот я как сейчас тебя, милашка, выставлю, – с милой улыбкой проговорила она, снова перебив меня, – вызову охранника, и все. – Она пожала плечами, – и не будешь ты тут ходить, – ее ухоженное красивое лицо исказилось, – и вынюхивать, дорогуша...

Я помолчала.

– Ну, что скажешь? – игриво поинтересовалась Лейла. – А я так и сделаю, если ты мне не перестанешь врать и не скажешь, что тебе на самом деле нужно, – холодно закончила она.

– Хорошо. – Я качнула головой и приняла правила ее игры, решив не пасовать. В конце концов, кто она такая, что позволяет себе так себя вести и в буквальном смысле оскорб-

лять меня? Или у меня совсем нет чувства собственного достоинства? Нет, оно у меня имелось, и я умела за себя постоять, особенно когда мне бросали открытый вызов, а Лейла, насколько я поняла, просто проверяла меня на вшивость. Есть такая порода людей, признающих равными себе только тех, кто в состоянии дать им отпор, видимо, Лейла была из их числа. Поэтому я решила, что дам ей почувствовать, что не дурочка с переулочка и у меня тоже имеются остренькие зубки, надо только очень попросить, чтобы я их показала. Она меня попросила. К тому же я ощутила прилив адреналина и некоторый азарт: мне хотелось доказать ей, сидящей напротив в такой вальяжной позе и с таким любопытством глядящей на меня, что я тоже так умею.

– Хорошо, повторила я, прищурившись и откинувшись поудобнее. – Я скажу тебе, зачем сюда пришла. Если ты думаешь, что меня интересует твоя персона, то ты глубоко ошибаешься. Я бы сроду даже не узнала о том, что ты такая есть, если бы не эта смерть. Я не стану врать о передаче, не стану врать о том, что мы что-то там готовим, я скажу, что мне от тебя нужно, но только если ты пообещаешь мне помочь.

– А это смотря по тому, что именно тебе нужно, – улыбнулась Лейла и снова нажала кнопку селекторной связи: – Таня, оставь кофе, принеси нам коньяк и лимон. – Лейла посмотрела на меня уже совсем по-другому. – Думаю, ты не откажешься?

– Даже не подумая, – с язвительной улыбкой сказала я.

– Ну что? – Лейла как-то заметно расслабилась. – Будем, как говорится, знакомы?

– Ирина, – произнесла я. – Руку протягивать?

– Обязательно, – и первой протянула руку. – Лейла.

Мы обменялись ехидными улыбками и рукопожатием. Таким вот странным образом атмосфера в кабинете установилась более чем дружелюбная, да к тому же мы обе вдруг почувствовали друг к другу расположение и улыбнулись уже куда искренней.

– Я сегодня была у следователя, – сказала Лейла, – ты не представляешь, чего он у меня только не спрашивал... – Она выразительно закатила глаза к потолку и покачала головой. – Просто дурдом какой-то. Все про Игоря да про Игоря. А тут еще ты. – Она сделала неопределенный, но вполне понятный мне жест. – Ну, может, скажешь, что именно тебе-то нужно?

– А ты знаешь, что его подругу задержали по обвинению в убийстве? – спросила я.

– Да, – она вскинула брови. – Не могу поверить, – заметила Лейла.

В это мгновение Таня, постучавшись, вошла в кабинет с подносом.

– Спасибо, Танюша, – улыбнулась Лейла секретарю. – Поставь сюда, и очень прошу, если кто-то, кроме моих домашних, будет звонить, скажи, что я здесь буду только завтра, хорошо?

– Хорошо, Лейла Михайловна, – покорно произнесла Татьяна, изо всех сил стараясь не смотреть на меня.

Когда она вышла, Лейла взяла бутылку и налила нам в маленькие хрустальные стопочки.

– Не за рулем? – поинтересовалась она.

– Нет, – ответила я.

– Это хорошо, – хмыкнула Лейла. – Не торопишься?

– Нет, – снова сказала я.

– Это еще лучше. Давай Игорька помянем. – Она взяла свою стопку. – Я была на похоронах, эта его тетка... – Лейла вздохнула. – Ладно, сначала выпьем.

Мы выпили, закусили, она – лимоном, я – шоколадной конфетой, помолчали.

– Знаешь, – произнесла Лейла, подвинувшись ближе и облокотившись о стол, – я одного не понимаю, как так можно? Эта, тетка Игорева, ну и пусть она при жизни Маринку терпеть не могла, но зачем устраивать такое представление на кладбище? Зачем тыкать в нее пальцем и кричать, что это она убила? Не понимаю, – покачала она головой и нахмурилась. – Какая такая у нее самой, у тетки этой, была любовь к племяннику, если она настолько не уважала его выбор и его чувства? Ну на фига было орать, что только, мол, она и любила Игорька, а Маринка им только пользовалась? Да еще в присутствии народа? Это ж не похороны получились, а какой-то фарс! – Лейла снова недовольно качнула головой и налила еще коньяка. – Не знаю, как только Игорь в гробу от

всего этого не перевернулся! Ну и стерва. – Лейла подняла рюмку. – Давай за то, – доверительно произнесла она, – чтоб Маринку выпустили?

– Давай, – без пререканий согласилась я, и мы, на этот раз чокнувшись, выпили и снова закусили.

– Ладно, – Лейла откинулась в кресле, закурила, отодвинула бутылку с рюмками и спросила: – Ну, а что у тебя?

Я поняла, что настал мой звездный час, пора рассказывать. Только вот я все еще не могла понять, в одном ли я с Лейлой лагере, образно выражаясь. Но потом, вздохнув, решила, что скажу ей все так, как думаю. Как скажется, в конце концов. Лейла Таирова может снести правду, какой бы неприятной она ни казалась, но вряд ли она смирится с ложью.

– Буду честна, – произнесла я и приступила к своему повествованию.

Глава 8

– Марина Белогурова, – так начала я свой рассказ, – моя соседка, да к тому же хорошая приятельница, если не сказать больше. – Лейла выразительно изогнула брови. – Наверное, это самая главная причина, по которой я здесь.

– Но не единственная? Правильно я поняла? – поинтересовалась Лейла.

– Да, – подтвердила я. – Марина сама просила меня помочь ей. Я присутствовала при обыске и могу заявить, что этот несчастный пузырек с остатками яда, который нашли у Марины, ей подбросили. В тот день к ней приходил невзрачный мужчина, переодетый сотрудником Газэнерго. Он пробыл у нее на кухне несколько минут, но ты, думаю, сама понимаешь, что, для того, чтобы подкинуть склянку в ведро, много времени не надо. И сказал, что проводит плановую проверку, что уже побывал у многих жильцов из нашего подъезда, но...

– Но ты, конечно, выяснила, что никакой проверки в тот день не было, – закончила вместо меня Лейла.

– Ты догадлива, – заметила я.

– Для этого не надо быть семи пядей во лбу, – отмахнулась она. – И, конечно, его внешность никто толком не запомнил, – скорее утверждала, нежели спрашивала она. – Это тоже нетрудно понять. А вся эта операция, – Лейла усмехну-

лась, – наводит только на одну мысль, что тот, кто это сделал, возможно, имел именно двойную цель, то есть не только отравить Игоря, но и насолить при этом его девчонке.

– У тебя просто дедуктивный талант, – не удержалась я от шпильки.

– Еще бы, – хмыкнула Лейла и закурила очередную сигарету. – И что, теперь ты пришла затем, чтобы попытаться узнать у меня, не я ли тот самый отравитель?

– Угадала, – только и сказала я.

– Ну, это и вовсе просто, – снова усмехнулась Лейла. – Конечно, мотив у меня вполне мог бы быть, – принялась она рассуждать. – Ты, должно быть, в курсе, что Игорек собирался отпочковываться? – Я кивнула. – Я предложила ему выкупить его долю, он согласился, мы даже документы уже составили по этому поводу, оставалось только поехать к нотариусу и официально заверить сделку. Сказать, что я была в восторге от этого его желания, я не могу, да и не собираюсь. Когда я только узнала об этом, меня чуть кондрашка не хватил, мы даже поругались, представляешь? Хотя прежде никогда голоса друг на друга не повысили. А тут я орала, хотя вообще орать не умею и не люблю, когда другие орут, – дернула Лейла искусно подведенными губами. – Хорошо еще, что он мне это не здесь сказал, а у нас дома. Меня муж потом полвечера валерьянкой отпаивал. И главное, когда это пришло Игорьку в голову? Как раз тогда, когда я решила открыть новый оптовый магазин в Фабричном районе. – Лейла

рассказывала все довольно эмоционально. – Я его тогда чуть не придушила, говорю, ты что, ты подумай, дурак, зачем тебе все это? Все сначала, весь этот геморрой? Фирма есть, все налажено, все пути смазаны, клиенты есть, чего тебе еще? Денег, что ли, мало? Так мы с тобой имеем одинаковые доли. А он мне, знаешь, что сказал? – Я сделала заинтересованные глаза. – Ты, говорит, Лейла, баба, тебе можно столько зарабатывать, у тебя муж еще доход в дом приносит, а я мужик, мне надо зарабатывать больше, чтобы кормить свою семью. Ну что я ему могла после этого сказать? Поорала, да и успокоилась. Стала думать, как все это сделать, чтобы фирма не понесла урон. Вынимать половину капитала из оборота, сама представляешь, чем все это может закончиться. Поговорила с мужем, он посоветовал выкупить. Посоветались с Игорьком, сошлись на сумме, которая и его, и меня устраивала, и стали готовить бумаги. Он как раз с осени уже хотел запускаться полностью.

– А чем именно он собирался заниматься? – спросила я. – Или он что, хотел тебе конкуренцию составить?

– Да какая конкуренция! – фыркнула Лейла. – Он нашел каких-то производителей новых пищевых добавок для спортсменов, собирался организовать спорт-клуб и при нем распространять эти добавки. В перспективе, конечно, хотел создать целую сеть таких заведений, где люди могли бы не только спортом заниматься, но и получить, не отходя от кассы, профессиональную консультацию врачей и тут же зата-

ряться добавками нового поколения. Отечественными, разумеется. Сам повернутый был на здоровом образе жизни и другим решил это предложить. – Лейла досадливо вздохнула. – Слушай, давай еще выпьем, – предложила она и снова плеснула нам коньяка. – Не знаю, что бы у него из всей этой затеи получилось, я, конечно, пыталась его отговорить, но он ничего не хотел и слышать. Сказал, вот съездит с Мариной в отпуск и начнет запускаться потихоньку, все переговоры вел со своим новым поставщиком.

– А ты?

– А что я? – Лейла чокнулась со мной, выпила коньяк, закусила лимончиком и опять закурила. – Что мне оставалось делать? Игорь, он хоть моложе меня, но он мужик, если сказал, то уже хоть танком дави, не передумает.

– Слушай, а как вы с ним познакомились? Как вы дело начали?

– Что, не поймешь, что нас связывало? – усмехнулась Лейла, оказавшаяся немного грубоватой в общении, но от этого не менее очаровательной. – Это было шесть лет назад, я тогда три года уже замужем за своим вторым мужем была, а он у меня знаешь кто?

– И кто у нас муж? – спросила я, чтобы не разочаровывать ее, после того, как выпила коньяк и съела конфетку.

– Практически волшебник, – хмыкнула Лейла. – Он у меня банкир.

– О! – многозначительно произнесла я.

– Вот тебе и «о», – передразнила Лейла. – Поехали мы с ним в Москву, а там как раз проходила какая-то выставка отечественных товаров на ВДНХ, я все хотела что-нибудь свое организовать. Надоело, знаешь, на чужого дядю горбатиться, я ведь до этого бухгалтером была. – Лейла затянулась и красиво выпустила дым. – Только все никак не могла решить, куда же сунуться, чтобы деньги получать быстрее. Ну, пока у меня муж по банкам мотался с какими-то тоже переговорами, я пошла по Москве прогуляться. Завернула на ВДНХ, мечта у меня с детства была там побывать, и все никак не приходилось до этого. А тут пойду, думаю, посмотрю, может, что-нибудь интересное увижу. Промоталась там по павильонам часа два, устала как собака, пошла перекусить, иду мимо одного из стендов, смотрю, а там, значит, пищевые добавки и из клиентов только один парень стоит и о чем-то очень дотошно представителя фирмы расспрашивает. И чего-то такое себе в блокнотик записывает. Я посмотрела да и прошла мимо. Выхожу на свежий воздух покурить, а этот парень следом, он тоже курил. Ну, я возьми у него и спроси, а чем это он там интересовался. Что, неужели пищевые добавки – это так интересно? У него даже глазенки разгорелись, как начал мне зачехлять. – Лейла подняла глаза к потолку. – Словом, в тот же вечер я их с мужем познакомил. Судьба, но парень оказался земляком, сказал, что хочет взять кредит в банке и, значит, заняться этими самыми добавками. Ну, мы с мужем тоже кое-какие справки навели.

Выяснилось, что рынок этот еще вполне свободен, по крайней мере, для наших русских вариантов, что можно на этом деньги заработать. Вот так и объединились. Получили кредит, стали компаньонами. Сначала чуть ли не как челноки ездили в другие города, за товаром, привозили и тут распространяли по аптекам да магазинам, а потом уж, когда нашли помещение, дела лучше пошли. – Народ и правда заинтересовался здоровым образом жизни. Вот так-то, – хмыкнула Лейла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.